

К. П. ЛАХОСТСКИЙ

«ЕВГЕНИЙ
ОНЕГИН»

РОМАН
В СТИХАХ
А. С. ПУШКИНА

1962

ОБЩЕСТВО ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ
ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ РСФСР
Ленинградское отделение

К. П. ЛАХОСТСКИЙ

„ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН“

РОМАН В СТИХАХ
А. С. ПУШКИНА

ЛЕНИНГРАД
1962

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Кирилл Павлович Лахостский
«Евгений Онегин», роман в стихах А. С. Пушкина

Научный редактор *В. А. Мануйлов*
Редактор *Г. С. Воробьев*
Техн. редактор *А. М. Гурджиева*
Корректор *Н. Г. Вайнтрауб*

М-32947. Объем 4,5 печ. л. Подписано к печати 21/XII 1961 г.
Заказ № 777. Тираж 82 000 экз.

Ленинградский Совет народного хозяйства. Управление полиграфической промышленности. Типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Роман в стихах «Евгений Онегин» навсегда останется одним из замечательнейших достижений русского искусства.

А. М. Горький.

«Евгений Онегин» — вершина творчества Пушкина. В. Г. Белинский писал: «„Онегин“ есть самое задушевное произведение Пушкина, самое любимое дитя его фантазии, и можно указать слишком на немногие творения, в которых личность поэта отразилась бы с такою полнотою, светло и ясно, как отразилась в «Онегине» личность Пушкина. Здесь вся жизнь, вся душа, вся любовь его; здесь его чувства, понятия, идеалы. . . Не говоря уже об эстетическом достоинстве «Онегина», эта поэма имеет для нас, русских, огромное историческое и общественное значение».¹

Роман в стихах Пушкина был первым замечательным произведением русского реализма. С него начинается развитие и затем быстрый расцвет русского социально-психологического романа. Лермонтов, Гоголь, Герцен, Гончаров, Тургенев, Достоевский, Л. Толстой — русские романисты XIX века, занявшие первые места в мировой литературе, родоначальником своим по справедливости считали Пушкина. Без «Евгения Онегина» невозможно было бы создание их романов.

Пушкин, писатель и мыслитель необычайного кругозора, прекрасно чувствующий биение пульса русской и европейской жизни, выступает с «Евгением Онегиным» в ту пору, когда в зарубежной литературе ее великие деятели Стендаль и Бальзак пришли к новому, реалистическому методу изображения действительности.

---

¹ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. VII, Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 431.

Роман Стендаля «Красное и черное» и первые реалистические романы Бальзака (например, «Тридцатилетняя женщина») вышли в 1831 году, то есть через несколько лет после издания первых глав «Евгения Онегина». Вот почему мы вправе сказать, что роман Пушкина начинает развитие не только русского, но и европейского реализма XIX века.

Пушкин любил и высоко ценил произведения Руссо. Руссо в своей «Исповеди» один из первых создал историю жизни молодого человека своей эпохи. Размышляя о задачах, какие ставят время и история перед литературой, автор «Евгения Онегина» пришел к пониманию важности и для русской литературы темы молодого человека, типичного героя своего времени. Эта тема отражает наиболее острые и важные проблемы, возникающие в непрерывном развитии общества. Ряд таких произведений европейской литературы, как «Страдания молодого Вертера» Гете, «Адольф» Б. Констана, включая и «Чайльд Гарольда», решал тот же вопрос о современном передовом человеке. С появлением «Евгения Онегина» разработка этой проблемы стала одной из главных задач и русской литературы. Именно с выходом в свет глав пушкинского романа русская литература стремительно догнала в своем развитии литературы европейские и затем во многом опередила развитие западноевропейских литератур.

В. Г. Белинский назвал роман Пушкина «энциклопедией русской жизни». В самом деле, в этом небольшом по объему произведении соединены самые разнообразные картины русской жизни первой трети XIX века.

Петербург и Москва, помещичья усадьба и крепостная деревня, русская культура во многих ее проявлениях; общественный быт и нравы; вопросы морали, условия экономической жизни страны, — все это представлено в романе Пушкина. В чудесных пушкинских пейзажах русской природы перед читателем проходит поэтический календарь всех времен года.

Роман Пушкина, по словам В. Г. Белинского, — важный фазис развития русского общества. Но для нас он имеет не только исторический интерес. Гениальный поэт в «Евгении Онегине» освещает с позиций истинного гуманизма проблемы, волнующие и нас спустя многие

десятилетия после Пушкина. Вот почему наш современный молодой человек, советский гражданин эпохи построения коммунистического общества, будет постоянно обращаться к страницам романа и черпать в них многое для себя, для своих размышлений, для удовлетворения своей потребности в прекрасном.

* * *

По свидетельству Пушкина, он начал свой роман в стихах 9 мая 1823 года, живя в Кишиневе, в период южной ссылки.

В своем «Биографическом известии» брат поэта, Л. С. Пушкин, писал: «...он горячо взялся за него (за роман — К. Л.) и каждый день им занимался... просыпался рано и писал обыкновенно несколько часов, не вставая с постели. Приятели часто заставляли его то задумчивого, то помирающего со смеху над строфою своего романа».¹

За плечами поэта было уже около десяти лет литературного труда. Лицейские стихи привлекли к нему внимание передового писательского круга. Вольнолюбивая лирика 1817—1820 годов стала самым ярким выражением дум и чувств передовой молодежи преддекабристских лет. Распространение в бесчисленных списках «Вольности», послания «К Чаадаеву», политических эпиграмм было причиной высылки Пушкина из Петербурга. Опубликованная в 1820 году поэма «Руслан и Людмила» вызвала всеобщее волнение, острые споры, восхищение одних и резкие нападки других литераторов. Для всех стало ясно, что на литературном небосклоне зажглась новая яркая звезда. Появление Пушкина было блистательным, необычайным. «Южные» романтические поэмы — «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», незаконченные «Братья-разбойники» — утвердили известность поэта.

Словом, к началу работы над созданием «Евгения Онегина» Пушкин был уже поэтом с большим опытом и громкой славой. Передовые писатели, поэты, критики не без основания считали его главой русской литературы, писателем, определяющим пути ее развития.

¹ Пушкин в воспоминаниях и рассказах современников. Л., 1936, стр. 36.

Самым заметным направлением в литературе в эти годы был романтизм, т. е. направление, стремящееся, по выражению В. Г. Белинского, раскрыть в художественных произведениях «внутренний мир души человека, сокровенную жизнь его сердца». В противоположность классицизму, ко времени Пушкина уже выполнившему свою важную роль в развитии литературы, ставшему преградой на ее дальнейшем пути, романтизм опирался не столько на разум, сколько на чувства человека. Поэты романтического направления стремились обновить и тематику, и форму художественных произведений. Они отрицали каноны, сложившиеся в эпоху классицизма. Свобода, самобытность, народность литературы были принципами их поэтического творчества. В романтизме сильно было субъективное, лирическое начало.

Взгляды поэтов-романтиков на жизнь и отношение их к действительности были различны. Литература романтизма могла выражать и пассивное, консервативное мировоззрение, и активное, прогрессивное и даже революционное отношение к действительности. Поэтому обычно и говорят о двух струях романтизма — о романтизме консервативном и романтизме прогрессивном.

Романтизм как литературное направление в истории литературы подготовил развитие реализма. Но слабой стороной его была некоторая оторванность произведений и их героев от жизни. Романтизм не смог дать полного и всестороннего изображения и объяснения действительности.

«Южные» поэмы Пушкина являлись самыми яркими произведениями русского прогрессивного романтизма.

И вот поэт задумывает новый большой труд, и сам чувствует, что берется за что-то не похожее на произведения, написанные ранее.

Правда, поэт не думает еще, что он начинает новое направление в литературе. Ему кажется, что романтизму, с его свободой от литературных правил, вполне доступны тот материал и та манера шутливо-иронического рассказа, которые составляют отличительное свойство первой главы начатого им произведения. Он сначала сравнивает его с шутливой поэмой Байрона «Беппо», с «Дон Жуаном». Только потом, в развитии замысла и его осуществлении, придет осознание перелома, совершенного поэтом.

В первый раз в замысле большого повествования он обращается к наблюдениям обычной жизни хорошо знакомого ему петербургского светского общества. Героем своего произведения поэт избирает молодого человека своего круга, рассказывает о его жизни с детских лет, о воспитании и общественной среде. В бытность свою в Петербурге поэт встречал таких людей «дюжинами» на тротуарах Невского проспекта и в гостиных дворянских домов. Ни об одном из прежних произведений поэт не мог бы написать так, как он написал в предисловии к I главе «Евгения Онегина», готовя ее к печати: «Вот начало большого стихотворения, которое, вероятно, не будет окончено... Первая глава представляет нечто целое. Она в себе заключает описание светской жизни петербургского молодого человека в конце 1819 года...»¹ (подчеркнуто мной — К. Л.).

Это был поворот поэта к новому способу изображения действительности, к новому литературному направлению. Название этому направлению в то время еще не было найдено. Суть же его заключалась в решительном сближении художественного творчества с жизнью.

Поэт ищет нового способа письма, задумывается о новом жанре. Большое повествовательное произведение в стихах. Значит, поэма? Но Пушкину кажется, что он пишет не поэму, а что-то иное. Что же это? Может быть, роман? Но романы пишутся обычно прозой. В письме П. А. Вяземскому (4 ноября 1823 года). Пушкин сообщал: «Что касается до моих занятий, я теперь пишу не роман, а роман в стихах — дьявольская разница! Вроде Дон Жуана».

Действительно, разница, потому что, обращаясь к жанру романа, жанру объективного повествования, поэт сохраняет в нем субъективное лирическое начало. Стихия стиха естественно создает эту лирическую окраску повествования. Что касается Байрона, то, несомненно, некоторые особенности композиции «Дон Жуана» и байроновская манера письма помогли Пушкину в поисках формы для нового произведения. Но скоро сам поэт понял, что по существу «Евгений Онегин» далек от байроновских поэм. В марте 1825 года, уже из

¹ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 10 томах. Изд. АН СССР, т. V, М.—Л., 1950—1951. Все последующие цитаты из произведений А. С. Пушкина — по этому изданию.

Михайловского, отвечая на одно из писем А. Бестужева, поэт писал: «Ты сравниваешь первую главу с Дон Жуаном. Никто более меня не уважает Дон Жуана... Но в нем ничего нет общего с Онегиным».¹

Итак, найдено определение жанра нового произведения. Его можно было бы назвать и поэмой (В. Г. Белинский называл «Евгения Онегина» и романом, и поэмой), но Пушкин ощущал новаторский характер своего труда, и привычное название его не удовлетворяло. Так поступят и последующие великие новаторы в развитии русской литературы: Н. В. Гоголь назовет свой роман «Мертвые души» поэмой; Лев Толстой будет решительно отрицать определение «Войны и мира» словом роман, и история литературы найдет более подходящее определение жанра его бессмертного создания: роман-эпопея.

Пушкину надо было обдумать не только характер нового произведения. Роман в стихах... Поэт обращается к привычному четырёхстопному ямбу, его любимому размеру. Но как быть с группировкой стихов? Конечно же, обычная четырёхстрочная строфа (катрен) не годится для длинного повествования (невозможно представить себе даже на минуту, что «Евгений Онегин» был бы весь написан такими короткими и однообразными строфами!). В «Руслане и Людмиле», в «Кавказском пленнике» и «Бахчисарайском фонтане» вопрос о строфе, в сущности, не решался. Поэмы эти не длинные, поэт свободно группировал стихи, не заботясь о единой системе рифмовки. Для короткой романтической поэмы этого было достаточно. Теперь же для нового большого повествования надо было найти и новую строфу. Она должна быть емкой, так как роман в стихах требовал строфы, которая может вместить некое, хотя бы относительно цельное тематическое единство. Емкость строфы зависит от ее величины. Значит, строфа должна быть длинной. Но в длинной строфе скучна однообразная рифмовка (например, только парная, или только опоясывающая, или только перекрестная). И поэт находит нужную строфу: четырнадцать стихов, рифмующихся при помощи всех трех обычных способов рифмовки, названных выше: АБАБ //ВВГГ//

¹ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 10 томах, т. X, стр. 131.

//ДЕЕД//ЖЖ. Звучат и мужские и женские рифмы. Такая строфа не однообразна, изящна и в то же время достаточно объемна. Строфа, изобретенная Пушкиным, вошла в историю и теорию поэзии как «онегинская» строфа. Она свидетельствует не только о филигранном мастерстве поэта, но и об его кропотливой, упорной работе над стихом.

К концу мая 1823 года было написано много строф. Поэт пересмотрел их, многое переделал и продолжал писать. Работа шла упорно и непрерывно. Не нарушил ее и переезд в Одессу. 22 октября 1823 года была написана заключительная строфа.

...моего романа
Я кончил первую главу;
Иди же к невским берегам,
Новорожденное творенье,
И заслужи мне славы дань:
Кривые толки, шум и брань!

Поэт не ошибся, он понимал, что новаторский характер «романа в стихах» вызовет споры и нападки. Так оно и было. Не все поняли значение важного и необходимого поворота в развитии русской литературы, начавшегося с создания «Евгения Онегина».

* * *

Первая глава широко задуманного произведения представляет собой экспозицию романа. Завязки главной сюжетной линии еще нет. Но Пушкин был прав, когда писал в предисловии, что «глава представляет нечто целое». Если это и экспозиция, то экспозиция необычайно содержательная. В ней выразительно обрисован примечательный тип молодого человека, порожденного дворянской средой Петербурга десятих — двадцатых годов XIX века.

Сын богатого когда-то, но разорившегося в результате беспечной жизни помещика, воспитанный по обычаю светского общества французскими гувернерами, Онегин с детства далек от какого бы то ни было русского, национального влияния. Не случайно нет упоминания о крепостной няне или дядьке, ходивших за ним. Онегин вырос, входит в жизнь:

...Вот мой Онегин на свободе;¹
Острижен по последней моде;
Как *dandy*¹ лондонской одет —
И наконец увидел свет.
Он по-французски совершенно
Мог изъясняться и писал;
Легко мазурку танцевал
И кланялся непринужденно;
Чего ж вам больше? Свет решил,
Что он умен и очень мил.

Строфы об образовании Онегина, о круге его чтения начинаются стихами:

Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь,
Так воспитаньем, слава богу,
У нас немудрено блеснуть.

Не следует слишком упрощенно понимать эти слова как свидетельство о жалком образовании Онегина. Обратим внимание на обобщение: «*Мы все* учились понемногу...». Пушкин, как мы знаем, был очень строг к «недостаткам проклятого своего воспитания». Но в действительности поэт не мог бы стать одним из образованнейших людей своего времени, если бы в детские (дома) и юношеские годы (в лицее) не получил значительной умственной и образовательной подготовки. Не слишком ли строг он и к Онегину?

Во всяком случае круг чтения Онегина примечателен. Он мог «потолковать об Ювенале», и нам вспоминаются строки из лицейского стихотворения «Лицинию»:

...Свой дух воспламеню жестоким Ювеналом,
В сатире праведной порок изображу
И нравы сих веков потомству обнажу...

Ювенал, римский поэт-сатирик I века нашей эры, привлекал передовую молодежь десятых — двадцатых годов XIX века как обличитель нравов и деспотизма императорского Рима эпохи упадка.

Пушкин иронически замечает, что его герой «рыться не имел охоты в хронологической пыли бытописания земли: но дней минувших анекдоты от Ромула до наших дней хранил он в памяти своей». Это свидетельство

---

¹ Денди — светский щеголь.

противоречиво: ведь слово «анекдот» имело в те времена несколько иной смысл, чем теперь. В 1809 году, например, вышла книга: «Анекдоты русские или великие достопамятные деяния и добродетельные примеры славных мужей России, ч. 1. В Санктпетербурге при Императорской Академии Наук 1809 года». Книга эта представляла собой собрание рассказов о жизни замечательных исторических деятелей. Онегин «брал Гомера, Феокрита...». Надо сказать, что Гомера передовая дворянская интеллигенция осуждала за «воспевание» царей. Она не понимала, что сила «Илиады» в широкой и многообразной картине жизни греческого народа в период родового общественного строя. Феокрит (греческий поэт III века до н. э.) претил критически настроенной молодежи своим далеким от политических, гражданских вопросов идиллическим, «розовым» изображением жизни. Вслед за этими именами в чтении Онегина вдруг совершенно неожиданно возникает имя совсем из другой эпохи и другой области знания: «Зато читал Адама Смита...». Прогрессивный для своего времени буржуазный политикоэконом был популярен опять-таки в кругах передовой молодежи. Декабрист Н. И. Тургенев в предисловии к «Опыту теории налогов» писал: «Занимающийся политической экономией, проходя систему, называемую *смитовою* или *критическою*, увидит, что все благое основывается на свободе».¹ В незаконченном «Романе в письмах» Пушкина герой пишет своему другу о 1818 годе: «В то время строгость правил и политическая экономия были в моде. Мы являлись на балы, не снимая шпаг — нам было неприлично танцевать и некогда заниматься дамами... теперь это все переменялось. — Французский кадрили заменил Адама Смита».

Как видим, при всей бессистемности образования и чтения Онегина никак нельзя сказать, что его кругозор узок, что он стоит в стороне от интересов своего времени. Напротив, он в какой-то степени разносторонен, читает, хотя и беспорядочно, но много. И при всей бессистемности в этом чтении чувствуется известная свободлюбивая политическая направленность. Заметим

---

¹ Цит. по кн. Н. Л. Бродский. «Евгений Онегин», роман А. С. Пушкина. М., 1950, стр. 62—63.

только, что среди имен авторов, связанных с именем Онегина, нет ни одного русского имени. Вспомним также об «огне неожиданных эпиграмм», которыми умел Онегин «возбуждать улыбку дам»; вспомним, забегаая несколько вперед, в конец I главы, авторское суждение о герое:

Сперва Онегина язык
Меня смущал; но я привык
К его язвительному спору,
И к шутке, с желчью пополам,
И злости мрачных эпиграмм...

и тогда мы не ошибемся, если скажем, что Онегина I главы отнюдь нельзя назвать только пустым представителем света. Мы сказали, что онегинских Пушкин встречал в своем петербургском окружении «дюжинами». Но это не был преобладающий тип людей молодого дворянского круга (молодые люди пустой «золотой молодежи» исчислялись не дюжинами, а тысячами). Но зато он, этот тип, верно схваченный и обрисованный поэтом, был значителен по своему весу. Недаром по мнению «судей решительных и строгих» Онегин был «ученый малый, но педант». Это слово в пушкинские времена употреблялось не только в смысле определения человека, строго выполняющего все правила поведения в какой-либо области (у Пушкина в этом значении сказано об Онегине, что он «в своем костюме был педант»; о Зарецком: «в дуэлях классик и педант»). Было и другое значение слова: по свидетельству В. Ф. Одоевского, педантом называли тех, у кого преобладают «нехлебные стихии» — совестливость, откровенность, простосердечие. «Горе тому молодому человеку, которого взрослые негодяи не называли педантом... Подьячие называют педантом тех, кто не берет взятки». ¹ Таким вырисовывается наш герой в той части I главы, где сказано о его воспитании, образовании, чтении, словом — о формировании его личности.

Заканчивая эту часть главы, Пушкин в окончательном тексте романа три строфы (а в черновиках их было больше) посвящает еще одной области интересов героя:

---

¹ Н. Л. Бродский. «Евгений Онегин», роман А. С. Пушкина. М., 1950, стр. 43.

Всего, что знал еще Евгений,
Пересказать мне недосуг;
Но в чем он истинный был гений,
Что знал он тверже всех наук,
Что было для него измлада
И труд, и мука, и отрада,
Что занимало целый день
Его тоскующую лень, —
Была наука страсти нежной,
Которую воспел Назон...

В сущности, это рассказ не о любви, а блестящая и острая характеристика тех отношений флирта и волокитства, которые были так характерны для светского круга.

Центральное место в главе отведено описанию одного дня Онегина.

Этот день изображен как типичное времяпрепровождение героя. Позднее вставание, записочки-приглашения, полученные еще в постели. Прогулка по бульвару, поздний обед в модном ресторане «Talon», театр, бал после театра и возвращение уже ранним утром, — вот чем наполнен обычный день Онегина. И каждый из эпизодов передан с таким блеском, так легко и интересно рассказан, что день Онегина оживает в нашем воображении.

По непринужденности рассказа, по силе поэтического изображения, с помощью немногих деталей создающего картину действительности, по музыкальности и выразительности стиха описание дня Онегина в Петербурге принадлежит к лучшим страницам романа.

Прогулка по бульвару закончена.

Уж темно: в санки он садится.
«Пади, пади!» раздался крик;¹
Морозной пылью серебрится
Его бобровый воротник...

Поэт — великий мастер в отборе выразительных черточек, деталей быта, в умении найти нужное слово. Благодаря этому у нас со всей силой живописного изображения возникает тот или иной момент жизни героя:

К *Talon* помчался: он уверен,
Что там уж ждет его Каверин.
Вошел: и пробка в потолок...

¹ Обычное в старое время, предостерегающее прохожих восклицание кучеров.

Наше внимание привлекает первое имя жившего в действительности человека, широко известного в кругу дворянской молодежи тех лет. П. П. Каверин — приятель молодого Пушкина, сын сенатора, гусарский офицер, постоянный участник кутежей, но человек образованный, остроумный. Добавим, что Каверин был членом Союза Благоденствия и другом декабриста Н. И. Тургенева. Вот кто оказался в числе приятелей (если не друзей) Онегина.

В строфе об обеде вдвоем с Кавериним идет перечисление блюд сплошь заграничной кухни. Пристрастие ко всему иностранному — типичная черта эпохи. Дельцы «мелкой торговли и промышленности мигом доставят пироги из Страсбурга, сыр из Лимбурга, горы ананасов... угощение будет вам стоить только то, что надобно заплатить за лист вексельной бумаги — если вы бесспорный наследник дядюшки, который еле дышит» («Московский телеграф», 1832, № 65).¹ Не правда ли, как эти строки близки к изображению онегинского обеда!

После обеда — театр. Репертуар русского театра и характер спектаклей воссоздаются поэтом по воспоминаниям о годах, проведенных в Петербурге. Заметим, что строфу XVIII («Волшебный край...» и т. д.) Пушкин вставил в I главу «Онегина» уже в Михайловском, 2 октября 1824 года, т. е. в те дни, когда он приступил к «Борису Годунову» и раздумывал над судьбами русской драматургии. В перечислении авторов-драматургов, чьи пьесы входили в репертуар театра в конце десятих — начале двадцатых годов XIX века, Пушкин безусловно одобрительно оценивает только Д. И. Фонвизина — «друга свободы». Озеров собирает «невольны дани» рукоплесканий благодаря патриотическим сюжетам своих трагедий и игре знаменитой актрисы Е. С. Семеновой. Катенин упоминается как переводчик: «воскресил Корнеля гений величавый»; Шаховской «вывел своих комедий шумный рой...». Пушкин невысоко оценивал комедии Шаховского. Упоминается и постановщик балетов Дидло.

---

¹ Н. Л. Бродский, «Евгений Онегин», роман А. С. Пушкина. М., 1950, стр. 69.

Пушкин любит театр, хотя и критически относится к его репертуару.¹ С особенным восхищением вспоминает он о русском балете, в одной строке подмечая его характерную черту:

Узрю ли русской Терпсихоры
Душой исполненный полет?...
(Подчеркнуто мной — К. Л.)

С русским балетом связана и чудесная картина начала спектакля. На сцене — знаменитая балерина Истомина, «блистательна, полувоздушна, смычку волшебному послушна...». Для поэта сцена, рампа, кулисы, — все это «волшебный край». Но вот в эти «театральные мемуары» (ведь поэт вспоминает в далекой ссылке театр зимы 1819 года) вводится герой романа:

Всё хлопает. Онегин входит,
Идет меж кресел по ногам,
Двойной лорнет скосясь наводит
На ложи незнакомых дам;
Все ярусы окинул взором,
Всё видел: лицами, убором
Ужасно недоволен он;
С мужчинами со всех сторон
Раскланялся, потом на сцену
В большом рассеяньи взглянул,
Отворотился — и зевнул,
И молвил: «всех пора на смену;
Балеты долго я терпел,
Но и Дидло мне надоел».

В примечании Пушкин пишет: «Черта охлажденного чувства, достойная Чайльд Гарольда. Балеты г. Дидло исполнены живости воображения и прелести необыкновенной...». Итак, автор даже вступает с героем в спор, защищая русский балет. Он, хотя и назвал Онегина своим добрым приятелем, приступая к рассказу о нем, но кое в чем, очевидно, не сходитя с ним. В герое отмечается какое-то равнодушие, скука.

«Театральные» строфы I главы заканчиваются XXII строфой. Здесь единым дыханием, одним периодом — длиннейшим сложноподчиненным предложением,

---

¹ Интересные сведения об отношении Пушкина к театру читатель найдет в книге Л. П. Гроссмана «Пушкин в театральных креслах». Л., 1926.

заполнившим все 14 строк, дается такое же блестящее, как картина начала спектакля, изображение его конца:

Еще амуры, черти, змеи
На сцене скачут и шумят;

(очевидно, идет балет — сказочная феерия).

Еще усталые лакеи
На шубах у подъезда спят;
Еще не перестали топтать,
Сморкаться, кашлять, шикать, хлопать;
Еще снаружи и внутри
Везде блистают фонари;
Еще, прозябнув, бьются кони,
Наскуча упряжью своей,
И кучера вокруг огней
Бранят господ и бьют в ладони:
А уж Онегин вышел вон;
Домой одеться едет он.

(Выделено мной — К. Л.)

Длиннейший этот период дал возможность отметить целый ряд деталей, одновременно сосуществующих и внутри театра, и возле его подъезда в момент окончания спектакля. Как видно, поэт не боится сложных синтаксических конструкций, когда они нужны. В результате — яркая и полная картина завершения спектакля. Нельзя не подивиться лаконизму и полноте изображения. Вместе с тем, следует отметить, что, рассказывая о быте и жизни светского общества, поэт держит в поле зрения и простой люд. Раньше была строчка о «райке», т. е. «галерке», посещаемой демократической публикой, теперь же перед нами крепостные слуги, ожидающие на морозе своих господ, сидящих в креслах или в ложах.

Но вернемся к герою романа. Вот он в своем кабинете после театра готовится к отъезду на бал. Описание убранства кабинета героя заслуживает внимания: фарфор; бронза, янтарь, «духи в граненом хрустале» и т. д. Здесь все — заграничное, не свое, не русское.

Приведем строки, которые, не меняя живого и легкого тона повествования, затрагивают большой, серьезный вопрос экономической жизни страны:

Все, чем для прихоти обильной
Торгует Лондон щепетильный
И по Балтийским волнам
За лес и сало возит нам,

Все, что в Париже вкус голодный,
Полезный промысел избрав,
Изобретает для забав,
Для роскоши, для неги модной, —
Все украшало кабинет
Философа в осьмнадцать лет.

Вместо комментария к этим стихам приведем выписку из «Трутня», журнала Н. И. Новикова, просветителя-демократа XVIII века. Вот «Известие из Кронштадта»: «На сих днях прибыли в здешний порт корабли из Руана... из Марсельи... На них следующие *нужные* (курсив Новикова — К. Л.) нам привезены товары: шпаги французские разных сортов, табакерки черепаховые, бумажные, сюргучные, кружевы, блонды, бахромки, манжеты, ленты, чулки, пряжки, шляпы, зонтики и всякие, так называемые, галантерейные вещи...¹ ...а из петербургского порта на те же корабли грузить будут разные домашние наши *безделицы* (курсив Новикова — К. Л.), как: пеньку, железо, юфть, сало, свечи, полотна и проч. Многие наши молодые дворяне смеются глупости господ французов, что они ездят так далеко и меняют модные свои товары на наши безделицы».²

Не перешли ли к Пушкину по наследству от Новикова эти забота и горечь, вызываемые печальным состоянием нашей заграничной торговли? За 50 лет — от Новикова до Пушкина — характер торговли, очевидно, не изменился. А к чему он вел, — это понятно.

Здесь можно заметить, что известное определение Белинским романа Пушкина как «энциклопедии русской жизни» начинает становиться понятным. Действительно, небольшое по размерам произведение уже с первой главы начинает охватывать самые разнообразные стороны жизни страны.

Онегин переделался, чтобы ехать на бал:

Второй Чадаев, мой Евгений,
Боясь ревнивых осуждений,
В своей одежде был педант
И то, что мы назвали франт...

Вот названо и второе имя собственное действительно жившего в Петербурге в те годы человека. Это

¹ Галантерейные вещи назывались тогда еще «щепетильными товарами».

² «Трутедь», 1769, лист V. См. «Сатирические журналы Н. И. Новикова», изд. АН СССР, М. — Л., 1951, стр. 63.

П. Я. Чаадаев, тот самый, к кому обращены три послания Пушкина и среди них — «Любви, надежды, тихой славы...» и не менее значительное послание из Кишинева (1821 года) — «В стране, где я забыл тревоги прежних лет...». Мы хорошо знаем Чаадаева, друга поэта, человека большого ума, в дни дружбы с Пушкиным — декабриста. Слова об Онегине — «второй Чаадаев» — относятся больше к внешней стороне облика Чаадаева (он отличался приверженностью к щегольству, изяществом костюма). Но все-таки примечательно, что имя его поставлено рядом с именем героя романа.

День Онегина заканчивается балом, куда он «скачет в ямской карете» (ведь отец его разорился, и своего выезда у Онегина нет). Описание бала в богатом барском доме, «усеянном плошками кругом» (иллюминация тех лет), исполнено такой же живой изобразительности, как и описание театра. Онегин на время оставлен в стороне, — он вошел в зал, в котором «музыка уж греметь устала, толпа мазуркой занята», и затерялся в этой толпе. Зато автор вновь обращается к своим воспоминаниям:

Во дни веселий и желаний
Я был от балов без ума...

Вновь следует длинное лирическое отступление, среди стрóf которого и знаменитая строфа XXXIII — «Я помню море пред грозою...», посвященная М. Н. Раевской-Волконской.

Поэт возвращается к рассказу о герое романа:

Что ж мой Онегин? Полусонный
В постелю с бала едет он...

И вот перед нами возникает картина пробуждающегося Петербурга:

...Встает купец, идет разносчик,
На биржу тянется извозчик,
С кувшином охтенка спешит,
Под ней снег утренний хрустит.
Проснулся утра шум приятный.
Открыты ставни; трубный дым
Столбом восходит голубым,
И хлебник, немец акуратный,
В бумажном колпаке не раз
Уж отворял свой *васисдас*.

Онегин спит «за полдень», а затем все начинается сначала: жизнь его «однообразна и пестра, И завтра то же, что вчера».

Но вот возникает новый мотив. Герой переживает какой-то мучительный кризис — свидетельство незаурядности его личности: ведь обычно молодые люди его круга жизнью были вполне довольны. Онегин начинает скучать и тяготиться своим существованием,

Недуг, которого причину
Давно бы отыскать пора,
Подобный английскому *сплину*,
Короче: русская *хандра*
Им овладела понемногу...

Он оставляет круг светских красавиц, с неохотой, угрюмый появляется в гостиных. Ему все надоело. Он пытается обратиться к книгам, но и в них не находит удовлетворения: «И полку с пыльной их семьей задернул траурной тафтой».

В начале романа поэт назвал Онегина своим приятелем. Теперь он как бы включает себя в число действующих лиц: «с ним подружился я в то время...».

Мне нравились его черты,
Мечтам невольная преданность,
Неподражательная странность
И резкий, охлажденный ум...

Несомненно, это положительная характеристика. Неподражательная странность как бы предупреждает упрек в том, что Онегин из моды, из «кокетства» разыгрывает роль разочарованного романтического героя. Нет, его тоска, его неудовлетворенность жизнью — искренни.

Поэт говорит о своих встречах и беседах с Онегиным белыми петербургскими ночами. В беседах — и мечты о путешествии за границу:

Онегин был готов со мною
Увидеть чуждые страны;
Но скоро были мы судьбою
На долгий срок разведены...

У Онегина скончался отец, потом он получил известие о смертельной болезни дяди. Он едет в деревню — вступить во владение наследственным поместьем. Но и деревенская жизнь, природа, «уединенные поля, прохлада сумрачной дубравы, журчанье тихого ручья» не исцелили его тоски. На этом и заканчивается глава.

Пушкин был прав, когда писал в предисловии, что I глава представляет собой нечто цельное. Еще действие романа не началось, и тем не менее онегинский тип молодого человека обрисован уже полностью, как нечто законченное. Мы узнали о происхождении, воспитании и образовании Онегина. Выяснили, какая среда его окружает и формирует его взгляды на жизнь и его характер. Познакомились с кругом его интересов. Определилось отношение к нему автора: внимательное, заинтересованное и критическое вместе. Нам стали ясны отрицательные стороны его жизни, которые не могли не наложить своего отпечатка на личность героя. Онегин живет, как и многие другие люди помещичье-дворянского круга, вне участия в трудовой жизни общества, за счет труда крепостного крестьянства. Он не связан с родной природой, «не приучен» к ней, не умеет ценить ее прелести. Французское воспитание, традиционная приверженность ко всему иностранному, — все это заслоняет от Онегина жизнь трудового народа, лишает его русской, национальной основы, делает каким-то космополитом. Мы чувствуем уже, хотя автор прямо нам этого и не говорит, что в этом — главная беда героя, его слабое место.

Но узнали мы и другое: жизнь Онегина, кажется, лишена каких бы то ни было забот, полна комфорта и удовольствий, — а между тем она его не удовлетворяет. Он тоскует, он недоволен, чувствует бессмысленность своего существования. Инстинктивно он связывает это недовольство жизнью с общественными порядками, с социальным устройством, в котором суждено ему жить. Отсюда и «шутка с желчью пополам», и «огонь нежданых эпиграмм...». Мы вправе сказать об оппозиционном, хотя и не оформившемся настроении героя по отношению к существующему порядку вещей. Автор отмечает его ум, «резкий и охлажденный». Но ум этот, исполненный недовольства, «кипит в бездействии пустом». Разочарованность, недовольство жизнью привлекают внимание и вызывают уважение к герою.

Способ изображения Онегина отличен от способа изображения Пушкиным героев предшествующих романтических поэм: поэт внимательно «исследует» все обстоятельства — общественную среду, общественный быт, условия формирования личности, создавшие та-

кого-то героя. Это и есть метод реализма. Именно этот метод привел к тому, что уже I глава позволила нам познать не только героя, но и многое в жизни русского общества той поры. В картинах жизни Петербурга мы познакомились с бытом дворянского общества, с русским театром, с кругом чтения дворянской интеллигенции, с некоторыми сторонами экономики страны (разорение помещичьих имений, уродливый характер внешней торговли страны).

Поистине глава, занимающая всего несколько десятков страниц, необычайно содержательна при всей своей краткости.

Даже если бы роман в стихах не был продолжен, — I глава осталась бы замечательным произведением литературы первой трети XIX века.

Но стоило ли так много сил, труда, творческого вдохновения тратить на то, чтобы изобразить тип скучающего молодого человека, недовольного собой, хотя и имеющего привлекательные стороны? Ответим: стоило, при условии, что автор не только обрисует этот тип, но и объяснит его, поставит вопрос о судьбе молодых людей этого типа.

Судьба молодого дворянского интеллигента в эпоху, когда Пушкин начал свой роман, была одним из важнейших вопросов времени. По мере работы над первыми главами романа именно в этом направлении и развивался замысел Пушкина.

* * *

Время, когда роман создавался и которое в нем отражено, — это последние годы царствования Александра I и отчасти первое пятилетие царствования Николая I, хотя события фабулы обрываются незадолго до восстания декабристов 14 декабря 1825 года.

Отечественная война 1812 года и освобождение Европы из-под власти Наполеона I вызвали в России необычайный подъем патриотизма и пробуждение общественного самосознания. Здесь были истоки движения первых русских революционеров — борцов против крепостного права и царского самодержавия. Борцами этими были молодые дворянские интеллигенты.

Ленинское учение о трех периодах русского освободительного движения, о смене классов, возглавляющих общественную борьбу в общем ходе развития русской революции, определяет первый период освободительного движения как дворянский период.

Передовой культурный круг дворян выдвинул декабристов.

Декабристы потерпели поражение. «Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало, — писал В. И. Ленин. — Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию. Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом».¹

Отсюда понятно, почему вопрос о судьбе молодого дворянского интеллигента этой поры был вопросом первостепенной важности. Пушкин начал свой роман, когда движение декабристов еще не пришло к своей кульминации. Все было неясно. Но, изображая Онегина, Ленского, Татьяну, пытаясь представить их судьбу, поэт с присущей ему прозорливостью взялся за тему высокого общественного значения.

В. Г. Белинский назвал «Евгения Онегина» «поэмой исторической в полном смысле слова, хотя в числе ее героев нет ни одного исторического лица», а ее автора считал «представителем впервые пробудившегося самосознания: заслуга безмерная!».²

* * *

Вслед за первой главой Пушкин сразу взялся за вторую. Он начал и закончил ее в Одессе за полтора месяца (конец октября, ноябрь и начало декабря 1823 года). Это была необыкновенно интенсивная работа. О требовательности поэта к себе свидетельствует большое количество вариантов, черновиков, неоднократная переработка многих строк. Но замысел определился ясно, путь был проложен. Создав «онегинский» тип молодого чело-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 14—15.

² В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. VII, АН СССР, М. — Л., 1955, стр. 432.

века, теперь следовало показать поведение героя в разных жизненных положениях, в отношениях с различными людьми. В I главе рассказано было о переезде Онегина в деревню. Надо было ввести других героев, столкнуть Онегина с ними.

В деревне Онегин — богатый помещик, «...сельский житель, заводов, вод, лесов, земель хозяин полный». Теперь Онегина окружают соседи — провинциальные помещики; он должен определить отношения с крепостными крестьянами, владельцем которых является. На страницы романа выходят другие действующие лица: Ленский, Ольга, Татьяна.

История взаимоотношений Онегина с Татьяной и займет место главного повествовательного стержня романа.

Подобно тому, как при изображении петербургской жизни Онегина поэт черпал материал из своей жизни в столице между лицеем и ссылкой на юг, так и в рассказе об обстановке, в какую попал Онегин в деревне, Пушкин вновь прибегает к собственным «впечатлениям бытия». Ему вспоминается псковская усадьба — Михайловское. Он бывал там и жил некоторое время в 1817 и в 1819 годах.

Строфы II главы о местоположении усадьбы Онегина, о ее окрестностях, об убранстве помещичьего дома явно наполнены «михайловскими» подробностями.

...Господский дом уединенный,
Горой от ветров огражденный,
Стоял над речкою. Вдали
Пред ним пестрели и цвели
Луга и нивы золотые,
Мелькали сёлы: здесь и там
Стада бродили по лугам,
И сени расширял густые
Огромный, запущенный сад,
Приют задумчивых Дриад.

Став владельцем крепостных душ,

Один среди своих владений,
Чтоб только время проводить,
Сперва задумал наш Евгений
Порядок новый учредить.
В своей глуши мудрец пустынный,
Ярем он барщины старинной
Оброком легким заменил;
И раб судьбу благословил,

Рассказано об этом бегло, да еще с ироническим оттенком: «чтоб только время проводить». По существу же Онегин совершил большое дело для своих крестьян. Может быть, на основе «Указа о вольных хлебопашцах»¹ лучше было бы освободить их совсем?

Но практически этот указ почти не применялся: крестьяне отпускались за огромный выкуп, непосильный для них, да и бесконечные канцелярские рогатки мешали осуществлению указа. Помещики-«либералисты» вынуждены были вместо освобождения переводить крестьян на легкий оброк. Так, например, поступил Н. И. Тургенев.

Так поступил и Онегин. Но дальше, очевидно, он хозяйством и крестьянами заниматься не стал. Учреждение «нового порядка» на этом и кончилось. Впрочем, крестьяне остались довольны («раб судьбу благословил»).

Отношения с соседями-помещиками сложились иначе:

Зато в углу своем надулся,
Увидя в этом страшный вред,
Его расчетливый сосед;
Другой лукаво улыбнулся;
И в голос все решили так,
Что он опаснейший чужак.

Попытки помещиков завязать знакомство с Онегиным не привели ни к чему, и, убедившись в том, что он не желает установить с ними дружеские связи, к определению «опаснейший чужак» они добавили новые:

«Сосед наш неуч, сумасбродит;
Он фармазон: он пьет одно
Стаканом красное вино;
Он дамам к ручке не подходит;
Всё да, да нет: не скажет да-с
Иль нет-с». — Таков был общий глас.

Не правда ли, все это, вплоть до сплетни о вине, напоминает нам отношение фамусовского общества к Чацкому!

Среди соседей Онегина оказался Ленский. Как и Онегин, Ленский получил нерусское образование. Упоминается его «геттингенская» душа: по-видимому, он

---

¹ Указ 1803 года, разрешавший помещикам отпускать принадлежащих им крепостных на волю.

закончил знаменитый университет, в то время — цитателем немецкой идеалистической философии.

Поклонник Канта и поэт.
Он из Германии туманной
Привез учености плоды:
Вольнолюбивые мечты,
Дух пылкий и довольно странный,
Всегда восторженную речь
И кудри черные до плеч.

Ленский исполнен восторженного отношения к жизни, которой он, в сущности, совершенно не знает. Мертвящее влияние светского общества его не коснулось. Скептицизма, как у Онегина, у него нет. Напротив, и в личных, и в общественных отношениях он ждет от жизни осуществления своих почерпнутых из книг идеалов.

Он верит в людей, в любовь, в дружбу.

Он верил, что душа родная
Соединиться с ним должна,
Что, безотрадно изнывая,
Его вседневно ждет она;
Он верил, что друзья готовы
За честь его принять оковы...

Ленский — поэт. «Он с лирой странствовал на свете под небом Шиллера и Гете». Он прямо противоположен Онегину. И, однако, Ленский и Онегин сошлись и стали друзьями. Как это могло случиться? Да дело в том, что, при всей противоположности Онегину, Ленский близок ему по уровню развития, по духовным запросам и интересам. Строфа, передающая темы разговоров Онегина с Ленским, очень примечательна:

...Племен минувших договоры,
Плоды наук, добро и зло,
И предрассудки вековые,
И гроба тайны роковые,
Судьба и жизнь в свою чреду, —
Все подвергалось их суду.

Как видим, споры двух молодых людей касались истории, философии, религии... А ведь с другими соседями Онегину пришлось бы говорить «о сенокосе, о вине, о псарне, о своей родне...».

Пушкин подчеркивает антитезой различие Онегина и Ленского: «волна и камень, стихи и проза, лед и пламень не так различны меж собой», — тем не менее оба они вместе еще более противоположны окружающему поместному обществу. Это и сближало их.

Надо также заметить, что, при всей оторванности от жизни, Ленский исполнен «вольнoлюбивыми мечтами»; конечно, они не таковы, как оппозиционное отношение Онегина к действительности, но, очевидно, и здесь была почва для соприкосновения интересов.

К изображению Ленского, к рассказу о его жизни Пушкин, если так можно выразиться, «прикрепляет» в романе свои литературно-полемические выступления против сентиментализма и мечтательного, «унылого» романтизма. Вот почему так иронически звучат строфы, где обрисовывается характер поэзии Ленского:

...Он пел разлуку и печаль,
И нечто, и туманну даль,
И романтические розы;
Он пел те дальние страны,
Где долго в лono тишины
Лились его живые слезы;
Он пел поблеклый жизни цвет
Без малого в осмнадцать лет.

Лексика этой строфы наполнена словами и оборотами, характерными для поэтического языка романтических элегий десятих — двадцатых годов (они подчеркнуты нами — К. Л.). Однако заметим, что в иронии автора ничего злого нет. Напротив, ряд мест повествования о Ленском и его поэзии говорит о сочувствии ему. Да ведь не так уж далеко было и в творчестве самого Пушкина время, когда он писал романтические элегии.

Вслед за Ленским на страницах развивающегося романа появляются Ольга, Татьяна и вся семья Лариных; их включение совершенно естественно: ведь Ольга — невеста Ленского. Перед читателем возникает картина деревенской жизни помещиков средней руки. Пушкин отобрал самое существенное, для того чтобы картина была живой и полной. Вот госпожа Ларина, в молодости — московская барышня с сентиментальными увлечениями, с пристрастием к заграничному, что, впрочем, не шло у нее далее употребления французских имен («звала Полиною Прасковью...»), а теперь — полновластная хозяйка имения.

Она езжала по работам,
Солила на зиму грибы,
Вела расходы, брила лбы,

(т. е. отдавала в солдаты провинившихся крестьян),

Ходила в баню по субботам,
Служанок била осердясь..

Путем обдуманного отбора деталей воссоздается весь патриархальный уклад жизни Лариных.

Масленица с блинами, говение два раза в год, круглые качели, песни и хороводы крепостных девушек, молебен в Троицын день (его «зевая слушает» народ), гости в доме, которым разносили блюда «по чинам», — все это уместилось в одной строфе, и при всем лаконизме повествования картина получается полная. Интересно соседство, в одном ряду, подробностей самых, казалось бы, разнохарактерных: говение, религиозный обряд — и любовь к круглым качелям (рифма подчеркивает это соседство); молебен — и квас. Такое сочетание снимает религиозное содержание упомянутых подробностей и оставляет им всего лишь значение укorenившейся привычки.

В рассказе о жизни и быте Лариных, несмотря на некоторую иронию, мы чувствуем симпатию к ним автора. Пушкина привлекает простота отношений, отсутствие фальши, еще сохранившаяся у Лариных патриархальность, связь с традиционными русскими обычаями. Здесь нет той пропасти, какой отделено от народа и от всего национально-русского светское общество Петербурга и Москвы.

Ольге посвящены две строфы. Портрет ее настолько ясен, что нет надобности им заниматься. Важнее, что в этой же, II главе Пушкин начинает развитие образа Татьяны, и в первых же стихах, посвященных ей, мы уже чувствуем, что речь пойдет о лице примечательном, не менее важном, чем герой, именем которого назван роман.

Ее сестра звалась Татьяна..
Впервые именем таким
Страницы нежного романа
Мы своевольно освятим.

Выбор имени героини и размышления автора по этому поводу предвещают в облике героини черту, выделяющую ее среди других действующих лиц. Поэт предполагал сначала назвать героиню Натальей. В те времена имя Татьяна звучало слишком «простонародно», Пушкин потому и говорит далее: «с ним, я знаю, неразлучно

воспомянать старины иль девичьей» (помещение, где простые дворовые девушки работают на своих господ).

В первой авторской характеристике перед читателем встает поэтический образ провинциальной девушки с весьма своеобразными чертами. Татьяна «дика, печальна, молчалива», «в семье своей родной казалась девочкой чужой». Она не играла с подругами своей сестры Ольги: «ей сучен был их звонкий смех и шум их ветреных утех».

Татьяна растет задумчивой и одинокой. Кажется, она вырастает в той же среде, что и Ольга. Однако, среда явление сложное и неоднородное; она воздействует, но иногда вызывает и противодействие развивающейся личности. В ней возможен известный отбор, зависящий от индивидуума. Мы видели, что Онегин, благодаря своим задаткам, пришел к отбору (Каверин, Чаадаев, Пушкин), а потом и к неприятию той «большой» среды, в которой он жил. Так и Татьяна воспринимает семейное окружение, общество поместных дворян как нечто чуждое. Вспоминаются строки из письма Татьяны:

Вообрази: я здесь одна,
Никто меня не понимает...

На формирование ее действуют другие стороны жизни. Ее пленяют «страшные рассказы зимою в темноте ночной». Это сказки няни Филипьевны. Она любит родную природу. Появляется интерес к книгам, и она зачитывается романами Ричардсона и Руссо, воспитывающими в ней чувствительность, развивающими ее воображение. Конечно, они действуют на формирование характера односторонне, но все же в высоком, гуманном направлении. При всем ироническом отношении Пушкина к старому сентиментальному роману, он оценивал его положительно, а «Новую Элоизу» Руссо ставил высоко.

В ходе развития романа и образа Татьяны Пушкин будет всё больше и больше выдвигать в первый ряд факторов, формирующих облик Татьяны, национальные русские, скажем даже народные влияния: русская природа, деревня (а не только усадьба), крепостная няня, русский фольклор.

Вторая глава заканчивается рассказом о мирном конце старика Ларина.

И там, где прах его лежит,
Надгробный памятник гласят:
*Смиренный грешник, Дмитрий Ларин,
Господний раб и бригадир,
Под камнем сим вкушает мир...*

Грустный мотив вызывает очередное лирическое отступление автора. И в этом отступлении — драгоценная мысль поэта, неоднократно в дальнейшем возникающая в его лирике и в его переписке.¹

...поколенья...
...Восходят, зреют и падут;
Другие им во след идут...
Так наше ветреное племя
Растет, волнуется, кипит
И к гробу прадедов теснит.
Придет, придет и наше время,
И наши внуки в добрый час
Из мира вытеснят и нас.

(Подчеркнуто мной — К. Л.)

Здесь перед нами Пушкин, принимающий жизнь в ее вечном движении, в смене поколений, в ее бесконечной преемственности.

Итак, теперь уже, кажется, среда и условия, в которых будут развиваться события романа, даны полностью: столичный свет, русская помещичья усадьба с ее крепостным окружением. Полностью введен и квартет героев главного сюжета: Онегин, Ленский, Ольга, Татьяна. Ясно стало, кто из них будет на первом плане: Онегин и Татьяна. Наступает пора завязки главной сюжетной линии.

Перечисляя главных действующих лиц романа, надо сказать и об авторе, образ которого все более ощущается нами по мере чтения страниц романа. Он назвал Онегина «добрым» своим «приятелем». Он сказал, что «подружился с ним в то время», когда Онегина охватила хандра в итоге бессодержательной и бесцельной жизни в свете. Он, в сущности, рассказывает не только о героях романа, но и о себе, и читатель узнает, что для него «вреден Север», что автор просит не смешивать его с героем: «всегда готов заметить разность между Онегиным и мной». Он, автор, не потерял еще очарования жизнью. Он любит родную природу, он восхищается

¹ См. например: «Брожу ли я вдоль улиц шумных», «Вновь я посетил». См. письмо П. А. Плетневу от 22 июля 1831 г.

русским балетом... В лирических отступлениях автор говорит о фактах своей биографии и о своих взглядах на жизнь. Взгляды эти широки и гуманны; постепенно вырастает перед читателем облик поэта, живо интересующегося жизнью, своими героями. Реалистический роман постепенно превращается в роман-дневник, в котором сильно субъективное начало, что нисколько не мешает объективному (но не равнодушному), правдивому изображению действительности.

Однако написаны две главы, а завязки все еще нет. Неужели это все еще экспозиция? Не затянулась ли она?

Да, это все еще экспозиция, но в то же время — и больше чем экспозиция, настолько она содержательна. Завязка наступает в III главе.

* * *

После окончания II главы романа в работе над ним наступил двухмесячный перерыв — с начала декабря 1823 года до начала февраля 1824 года. К этому времени относится создание ряда лирических стихотворений, связанных с раздумьями поэта над событиями международной политической жизни, над своим отношением к ним. Иногда поэтом овладевает мысль о бесплодности попыток борьбы с реакцией, которая, кажется, всюду одерживает победу. Скептические раздумья отражаются в таком, например, стихотворении, как «Свободы сеятель пустынный, Я вышел рано, до зари». К концу 1823 года, по-видимому, относится и стихотворение «Демон», в котором возникает образ скептика и отрицателя, противопоставленного восторженно-доверчивому восприятию жизни.

...Когда возвышенные чувства,
Свобода, слава и любовь
И вдохновения искусства
Так сильно волновали кровь, —
...Тогда какой-то злобный гений
Стал тайно навещать меня.
...Его язвительные речи
Вливали в душу тайный яд.
...Он звал прекрасное мечтою;
Он вдохновенье презирал;
Не верил он любви, свободе;
На жизнь насмешливо глядел
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел,

Есть что-то в этих строках, вызывающее в нашем сознании мысль о противопоставлении Ленского и Онегина, хотя тон, стилистическая окраска совсем другие...

Б. В. Томашевский пишет: «„Демон“ и „Евгений Онегин“ знаменуют один и тот же поворот творческого пути Пушкина. Смысл этого поворота — преодоление романтического идеала».¹

Думается, что «преодоление» идет и в отношении романтической, наивной восторженности, и в отношении угрюмого, разочарованного скептицизма, ибо романтический герой являлся в разных обликах.

В конце 1823 года из Кишинева пришло письмо с вестью о смерти цыганки Земфиры, знакомой по короткому кочевью с цыганами еще летом 1821 года. Оживают впечатления о цыганском таборе среди молдавских степей. В начале января 1824 года Пушкин «неожиданно» набрасывает план и первые стихи поэмы «Цыганы». В бумагах поэта появляется рисунок пером — набросок цыганского табора.

В новой поэме в цыганском таборе появляется Алеко, герой с загадочным прошлым, отрицающий «неволю шумных городов», разочарованный, мечтающий в слиянии с жизнью простых, неискушенных «детей природы» найти исцеление своей тоскующей душе. Мы говорили уже, что, создавая первые главы «Евгения Онегина», Пушкин не думал об отказе от романтизма. Нет ничего удивительного в том, что одновременно в сознании поэта в течение нескольких месяцев «сосуществуют» два образа героев: Онегин и Алеко. Творческий путь поэта шел отнюдь не по схеме: классицизм (одические стихотворения первых лет) — романтизм — реализм. Это общее движение сопровождалось противоречиями, «заходом» одного метода за другой.

Образ Алеко, несомненно, имеет точки соприкосновения с образом Онегина. Оба разочарованы в жизни «цивилизованного» общества, оба приходят к отрицанию его. Но Алеко бежит в экзотику южных степей и цыганского табора. Онегин переселяется в обычную помещичью усадьбу. Эта черта недовольства, глубокого разочарования обоим придает свойства романтических.

---

¹ Б. В. Томашевский, Пушкин, Книга I. М.—Л., 1956, стр. 554.

героев. Но существует коренное отличие между способами изображения этих героев. В «Цыганах» герой изображен привычными приемами, свойственными романтизму; в «романе в стихах» герой изображен реалистически. Он «объяснен» его биографией, его средой. «Цыганы» стали последней романтической поэмой Пушкина.

Между тем поэт раздумывает о возможности издания написанных глав «Евгения Онегина». С I главой он знакомит кое-кого из своих друзей, они дают прочесть ее другим. Глава начинается «гулять» по рукам избранных читателей задолго до ее появления в свет. Один из киевских знакомых Пушкина пишет К. Ф. Рылееву в Петербург в январе 1824 года о I главе «Онегина»: «... описание воспитания героя, столицы, портреты людей, кои ты узнаешь с первого разу, все прелестно; стихи так музыкальны, что, прочтя раз, заучишь наизусть. Пушкин гигантски идет к совершенству...».¹

В журналах начинают появляться сведения о новом произведении Пушкина. Излагается содержание I главы, приводятся отрывки, печатаются хвалебные отзывы.

Юноша Гоголь, ученик Нежинской «Гимназии высших наук», пишет родителям в Васильевку: «Также вы писали про одну новую Балладу и про Пушкина поэму Онегина; то прошу вас, нельзя ли мне и их прислать»¹.

В феврале 1824 года Пушкин обращается к продолжению своего романа. В Одессе написана большая часть III главы. Затем новая перемена в жизни поэта: ссылка «в глушь лесов сосновых, в далекий северный уезд». Приехав в Михайловское, поэт заканчивает III главу. С этого времени все развитие романа питается уже не воспоминаниями поэта из прежних лет (как это было, например, в I и II главах), а впечатлениями «текущей» биографии поэта. Михайловское, Тригорское и вообще Псковская губерния дают материал для III, IV, V, VI, отчасти VII глав; жизнь поэта в Москве после ссылки — для второй половины VII главы; петербургские впечатления 1827—1830 годов использованы для VIII главы. Роман, действительно, становится не только литературным произведением, но и поэтиче-

---

¹ См. М. А. Цявловский. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, 1951, стр. 435 и 519.

ским дневником Пушкина. И как дневник пишется не сразу, не подряд, а на протяжении многих лет жизни, так и работа над романом растягивается на большой срок — более чем на 7 лет. На протяжении этого периода параллельно с «Евгением Онегиным» Пушкин создает такие произведения (помимо «Цыган»), как «Борис Годунов», «Граф Нулин», «Полтава», «Домик в Коломне», «Тазит», «Арап Петра Великого». Нечего говорить уже о большом числе стихотворений, созданных в эти же годы.

Создавая эти произведения, поэт вновь и вновь обращался к роману, и этот труд всегда является для него трудом самым задушевным, самым любимым. Таким образом, «Евгений Онегин» занял в творческом пути Пушкина какое-то особое и весьма своеобразное место. Он оказался спутником развития поэта как раз в годы становления Пушкина — великого писателя.

Вернемся, однако, к развитию романа.

Встреча Онегина с Татьяной, о чем рассказывается в начале III главы, представляет собой завязку главной сюжетной линии. Вспомним разговор двух приятелей, когда они после посещения Лариных «домой летят во весь опор»:

«...Скажи, которая Татьяна?» —
«Да та, которая грустна
И молчалива, как Светлана,
Вошла и села у окна». —
«Неужто ты влюблен в меньшую?» —
«А что?» — «Я выбрал бы другую,
Когда б я был, как ты, поэт.
В чертах у Ольги жизни нет.
Точь-в-точь в Вандиковой Мадонне:
Кругла, красна лицом она,
Как эта глупая луна
На этом глупом небосклоне».

Язвительная оценка Онегиным Ольги и его внимание к Татьяне свидетельствуют о хорошем вкусе и об умении быстро разбираться в людях. Однако душевная опустошенность, холодность как результат разочарованности и равнодушия не способствовали развитию пробудившегося на мгновение интереса к молодой девушке, и Онегин забыл об этой встрече.

Совсем по-другому восприняла эту встречу Татьяна. Онегин слишком непохож был на других в привычном

скучном и бессодержательном кругу соседей. Татьяна «наделена была воображением мятежным и сердцем пламенным и нежным». Мечтательность и страстное стремление к идеалу, составленному по образцу благородных героев прочитанных романов, помогли вспыхнуть любви к новому знакомому:

И в сердце дума заронилась;
Пора пришла, она влюбилась...
..Она сказала: Это он!

Влюбленная Татьяна вновь обращается к книгам: ведь ей некому поверить свою тайну, не с кем поговорить. В романах она ищет объяснения и совета, — и создает в воображении свой образ Онегина. Мы знаем, что в действительности Онегин не был похож ни на Вертера, ни на Сен При, ни на Грандисона.¹ Любовь Татьяны, искренняя и глубокая, принимает характер страстного и сильного чувства, подобно тому, каким наделены любящие и страдающие герои прочитанных романов. «Новая Элоиза» Руссо и «Страдания юного Вертера» Гете сыграли свою роль в воспитании Татьяны, помогли развиться в ней высокому и благородному пониманию человеческих отношений. Очень быстро, почти сразу вслед за первой встречей, следует письмо Татьяны. Этот эпизод бесспорно принадлежит к лучшим страницам романа и по своей мастерской композиции и по своему содержанию. В. Г. Белинский писал о нем: «Разговор Татьяны с няней — чудо художественного совершенства. Это целая драма, проникнутая глубокой истиной».

Простой и поэтический пейзаж обрамляет сцену письма:

Настанет ночь; луна обходит
Дозором дальний свод небес,
И соловей во мгле древес
Напевы звучные заводит...

Татьяна не спит, она заводит разговор с няней: седая Филиппевна ей ближе всех из домашних.

Читатель живо представляет себе поэтическую сцену: взволнованную, мятущуюся Татьяну в своей девичьей светелке и

---

¹ «Но наш герой, кто б ни был он, уж верно был не Грандисон» (гл. III, строфа X).

...на скамейке
Пред героиней молодой
С платком на голове седой
Старушку в длинной телогрейке...

В рассказе няни о своем раннем замужестве затрагивается вопрос о бесправном положении крепостной девушки и женщины. В примечании к рассказу няни Пушкин записал: «Кто-то спрашивал у старухи: по страсти ли, бабушка, вышла ты замуж? — По страсти, родимый, — отвечала она: — приказчик и староста обещали меня до полусмерти прибить. В старину свадьбы как суды обыкновенно были пристрастны».

Заметим, что в диалоге с няней Татьяна не только хорошо понимает ее простую и образную речь, но и сама прекрасно говорит по-русски.

Речь ее органически включает элементы народного просторечия: «Мне тошно», «что нужды мне», «да велеть ему...» (в значении повелительного наклонения).

В старой няне, в ее речах огромная сила поистине народного восприятия жизни. Язык няни — пример образности и вместе с тем простоты народной речи, чистоты и мудрости мышления.

Образ Филиппевны не только помогает нам лучше понять Татьяну, но вносит в содержание романа наряду с некоторыми другими эпизодическими моментами существенную тему народной жизни в условиях существующего общественного строя.

Письмо Татьяны проникнуто сильным и искренним чувством. О своей любви она говорит в первых же словах письма без всяких ухищрений, без всякого кокетства. Письмо просто, и в то же время в нем слышатся едва сдерживаемое волнение и трепет. Оно полно безусловной веры в порядочность и благородство Онегина. Герой предстает в ореоле, созданном воображением Татьяны: «Ты в сновиденьях мне являлся», «Твой чудный взгляд меня томил», «Ты говорил со мной в тиши, когда я бедным помогала». Татьяна понимает серьезность, решительность совершаемого жизненного шага:

Кончаю! Страшно перечесать...
Стыдом и страхом замираю...
Но мне порукой ваша честь,
И смело ей себя вверяю...

Непозволительный с точки зрения обычаев и традиций шаг не противоречит чувству собственного достоинства, присущего Татьяне.

Татьяна совершает смелый шаг, резко нарушающий установившиеся в дворянском кругу нормы поведения. Влюбленная девушка первая делает любовное признание, да еще в письме. Но, выражаясь словами В. Г. Белинского, «Татьяна — существо исключительное, натура глубокая, любящая, страстная». Как бы предвидя упреки Татьяне со стороны читателей (и критиков), Пушкин выступает в ее защиту:

За что ж виновнее Татьяна?
...За то ль, что любит без искусства,
Послушная веленью чувства,
Что так доверчива она,
Что от небес одарена
Воображением мятежным,
Умом и волею живой,
И своенравной головой,
И сердцем пламенным и нежным?

Надо остановиться еще на одном обстоятельстве, кажется, противоречащем национальному, русскому облику героини. Татьяна писала письмо по-французски.

Она по-русски плохо знала,
Журналов наших не читала
И выражалась с трудом
На языке своем родном, —
Итак, пи с а л а по-французски...
Что делать! повторяю вновь:
Доныне дамская любовь
Не изъяснялась по-русски,
Доныне гордый наш язык
К почтовой прозе не привык.

(Подчеркнуто мной — К. Л.)

Эти стихи означают, что Татьяна только следовала установившемуся обычаю вести переписку на французском языке. Надо сказать, что в русском литературном языке эпистолярный¹ стиль еще и не был создан. Одним из создателей его, как и литературного языка во всем его объеме, был Пушкин. Среди его бумаг, относящихся к 1824 году, находится записка, начинающаяся словами: «Причинами, замедлившими ход нашей словесности, обыкновенно почитаются: 1) общее употреб-

¹ от латинского слова *epistola* — письмо.

ление французского языка...». В ней находим и такую мысль: «...проза наша так еще мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены создавать обороты слов для изъяснения понятий самых обыкновенных, и леность наша охотнее изъясняется на языке чужом...».

Сцена письма заканчивается, как и начинается, пейзажем:

Но вот уж лунного луча
Сиянье гаснет. Там долина
Сквозь пар яснее. Там поток
Засеребрился; там рожок
Пастуший будит селянина.
Вот утро...

Это обрамление делает всю сцену с письмом необычайно поэтичной, прекрасной, музыкальной. Происходит как бы слияние молодой, чистой любви с мягким и нежным изображением природы.

Несколько дней Татьяна ждет с трепетом ответа. Но ответа нет. Может быть, Онегин приедет сам для объяснения? Татьяна и боится, и втайне ждет, «с утра одета», т. е. приготовившись к появлению Онегина.

И вот появляется Онегин. Татьяна в испуге, она бежит в сад... Дворовые девушки собирают ягоды, поют песню (еще интересный штрих: «наказ, основанный на том, чтоб барской ягоды тайком уста лукавые не ели и пеньем были заняты...»).

Глава заканчивается встречей Татьяны с Онегиным:

...прямо перед ней,
Блестящая взорами, Евгений
Стоит подобно грозной тени.

Должно последовать решительное объяснение, но автор прерывает повествование:

Но следствия неожиданной встречи
Сегодня, милые друзья,
Пересказать не в силах я;
Мне должно после долгой речи
И погулять и отдохнуть;
Докончу после как-нибудь.

В самом деле, не следует разрушать стройного композиционного единства III главы, которую Пушкин в черновиках назвал «Барышня». Характеристика Татьяны

в этой главе дана полно и законченно. Ей суждено еще развитие, но связанное уже с последующими событиями драматической истории отношений с Онегиным.

* * *

Четвертая глава романа писалась в Михайловском, с конца октября 1824 года, но работа шла медленно, с перерывами и растянулась более чем на год, последние строфы написаны в первые дни января 1826 года.

Дело в том, что в это же время (декабрь 1824 года — ноябрь 1825 года) Пушкин задумал и создал свою замечательную историческую трагедию «Борис Годунов». «Дух века требует важных перемен и на сцене драматической», — писал Пушкин.

В то же время он написал маленькую реалистическую поэму «Граф Нулин». Пушкин активно — в переписке — участвовал в оживившейся в это время журнальной и эпистолярной полемике о классицизме и романтизме, о литературных жанрах, к каким следует обращаться современным писателям. Все это отвлекало поэта от романа в стихах. «Онегин мне надоел и спит, — писал Пушкин Катенину 4 декабря 1825 года. — Впрочем, я его не бросил».

К концу работы над главой произошло крупнейшее историческое событие эпохи — восстание на Сенатской площади в Петербурге. Оно имело важное значение и для поэта. Но в IV главе мы еще не находим никаких откликов на это событие. А литературная полемика нашла отражение в лирических отступлениях IV главы. Возвращаясь после «Бориса Годунова» к своему роману-дневнику, Пушкин в IV главе внес в рассказ об образе жизни Онегина в деревне много автобиографического. «В 4-й песне Онегина я изобразил свою жизнь», — писал он П. А. Вяземскому.

С точки зрения развития образов главных действующих лиц романа в IV главе имеет важное значение «исповедь» Онегина, обращенная к Татьяне.

Посмотрим, как реагировал герой романа на полученное им любовное письмо.

...Получив посланье Тани,
Онегин живо тронут был:
Язык девических мечтаний
В нем думы роем возмutil..

Оказывается, душа «модного тирана» не совсем опустошена и не так уж зачерствела. Онегин охвачен несвойственными, как будто, ему мечтаниями:

Быть может, чувствий пыл старинный
Им на минуту овладел...

Он раздумывает над письмом Татьяны и чувствует себя не в силах ответить на любовь, так доверчиво ему открытую. «Флиртовать» и «волочиться» не позволяет ему порядочность. Он обдумывает, как же ответить Татьяне.

Монолог Онегина при встрече в саду представляет собой подготовленную заранее речь, что, впрочем, не лишает ее искренности.

Когда бы жизнь домашним кругом
Я ограничить захотел...

Здесь несколько неожиданно выясняется, что при всем своем скептицизме, при всем, казалось бы, равнодушии к какой-либо общественной деятельности, не «семейственный круг» представляется Онегину возможным содержанием жизни. Эта мысль примечательна, хотя и высказана им как будто бы вскользь.

Онегин иронически смотрит на семейную жизнь. И в речи его сквозит какая-то грусть. Онегину жаль Татьяну, но жаль и себя:

Мечтам и годам нет возврата,
Не обновлю души моей...

Какая-то «преждевременная старость души» присуща этому еще молодому человеку. Но в монологе Онегина есть слова, которые не могут не заронить в Татьяне сомнений насчет категоричности отказа:

...Когда б семейственной картиной
Пленился я хоть миг единый, —
То верно б кроме вас одной
Невесты не искал иной...
...Нашед мой прежний идеал,
Я верно б вас одну избрал
В подруги дней моих печальных..

Конец «исповеди» Онегина по смыслу — отказ от любви Татьяны, но есть в нем какая-то неожиданная для этого холодного и эгонстичного человека нежность:

Я вас люблю любовью брата
И, может быть, еще нежней...

Пушкин иронически комментирует «исповедь» Онегина, но это несколько не снимает серьезной мысли поэта: «Не в первый раз он тут явил души прямое благородство». Так и есть. Живя в деревенской глуши, скучая и томясь, Онегин проявил способность уважать полюбившую его девушку, не хочет играть серьезным и большим чувством. Отнюдь не всегда в романе ироническое выражение мысли означает ее отрицание или осуждение, — ирония автора, можно сказать, «многопланова».

Решение Онегина не может потушить в Татьяне вспыхнувшее чувство:

Что было следствием свиданья?
Увы, не трудно угадать!
Любви безумные страданья
Не перестали волновать
Младой души...

И читателю грустно и жаль Татьяну, поэтический облик которой завоевал его симпатии.

Изящным поворотом в ходе повествования:

Но полно. Надо мне скорей
Развеселить воображенье
Картиной счастливой любви...

автор привлекает внимание читателя к действительно светлому изображению отношений Ленского и Ольги. Заметим, кстати, что здесь, говоря о любовных элегиях Ленского, автор без всякой насмешки оценивает их:

Его перо любовью дышит,
Не хладно блещет острогой;
Что ни заметит, ни услышит
Об Ольге, он про то и пишет:
И, полны истины живой,
Текут элегии рекой...

В 1824 году в альманахе «Мнемозина» появилась статья В. К. Кюхельбекера с резким осуждением «элегического» романтизма в современной поэзии. Пушкин сочувственно относится к этой мысли; в предисловии к изданию первой главы романа он даже процитировал Кюхельбекера в высказываниях об «утомительном роде новейших элегий, в которых чувство уныния поглотило все прочее».

Однако не всякую элегию Пушкин отрицал, мы знаем его гениальные элегии конца 29-х и 30-х годов, такие,

например, как «Брожу ли я вдоль улиц шумных» или «Безумных лет угасшее веселье».

Кюхельбекер призывал вернуться к оде, а для Пушкина это было бы шагом назад в развитии литературы: слишком связан был этот жанр с классицизмом. Он указывает на важность обращения к драматургии, к трагедии:

«...Ты прав и, верно, нам укажешь
Трубу, личину и кинжал...»

«Труба, личина¹ и кинжал» издавна являлись эмблемами именно трагедии. Однако в этом полемическом отступлении Пушкин не раскрывает полностью своей позиции. Создание «Бориса Годунова» показало, что он вовсе не думал о возврате к старой трагедии классицизма, а решительно прокладывает путь к новой, реалистической, т. е., по терминологии поэта, «истинно романтической» трагедии.

Конец IV главы отведен описанию жизни Онегина в деревне. Оно, как было сказано, воспроизводит образ жизни Пушкина в Михайловском. С ним связаны и чудесные пейзажи: осень, наступление зимы. Пейзажи присутствуют во всем романе. Они создают его поэтический аккомпанемент, служа в то же время вехами движения событий во времени. Одна из прекрасных сторон пушкинского романа в стихах состоит в создании Пушкиным полного «календаря года» в исполненных поэтичности реалистических картинах весны, лета, осени и зимы.

* * *

Пятая глава романа была начата в январе 1826 года и к концу ноября этого же года, уже после возвращения из ссылки, закончена. Вся глава с ее эпизодами (приход зимы, святочные гадания, сон Татьяны, деревенский бал у Лариных) наполнена впечатлениями от жизни в Михайловском.

Открывается глава поэтическим изображением русской зимы:

---

¹ т. е. театральная маска.

...Зимы ждала, ждала природа,
Снег выпал только в январе
На третье в ночь. Проснувшись рано,
В окно увидела Татьяна
Поутру побелевший двор,
Куртины, кровли и забор..»

И рядом также увиденная Татьяной народная сценка, вошедшая во все русские хрестоматии:

Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь..»

Естественным является и следующее далее прямое утверждение национального, русского существа Татьяны:

Татьяна (русская душою,
Сама не зная, почему)
С ее холодною красою
Любила русскую зиму..»

Следуют картины святочных гаданий дворовых девушек и с ними — Татьяны. Это гадание с крепостными девушками — проявление интереса и тяготения Татьяны к национально-русскому, к установившимся в народе обычаям.

Читая сон Татьяны, мы слышим дыхание русской народной сказки, начиная с типичного сказочного персонажа — медведя — и кончая словарем поэта, «хлопом», людской «молвью» и конским «топом», которые слышатся из шалаша, где медведь оставляет Татьяну.

Поэтическая задача сна Татьяны, как это неоднократно встречаем мы и в других произведениях Пушкина (ср. сон Григория Отрепьева в «Борисе Годунове», сон Петра Гринева в «Капитанской дочке»), заключается в предчувствии несчастья, виновником которого окажется Евгений Онегин. Помимо того, поведение героя во сне Татьяны говорит о том, насколько значительным, сильным, превосходящим окружающих, не исключая и Ленского, представляется Татьяне любимый ею человек.

Описание пира и бала на именинах Татьяны — яркая картина из провинциальной помещицкой жизни.

В рассказе о семье Лариных (во II главе) Пушкин несколько затушевывает темные стороны жизни помещицкой усадьбы, а теперь, при перечислении гостей, он дает убийственные по силе и выразительности характеристики съехавшихся помещиков:

...Гвоздин, хозяин превосходный,
Владелец нищих мужиков.
Скотинины,¹ чета седая
С детьми всех возрастов, считая
От тридцати до двух годов;

Толстый Пустяков, уездный франтик Петушков,
мой брат двоюродный Буянов.²

И отставной советник Флянов,
Тяжелый сплетник, старый плут,
Обжора, взяточник и шут...

Жестокость, пустота, обжорство, тупость, — все это собрано в колоритной группе перечисленных помещиков — гостей Лариных. Это уже не ирония, а сатира, напоминающая самые острые эпиграммы Пушкина.

Великолепная изобразительность пушкинского поэтического языка в описании именин достигает необычайной красочности и силы.

Четырехстопный ямб открывает все свои возможности. В строфах, рисующих бал у Лариных, Пушкин показывает, что можно сделать с метром ямба, пользуясь пропуском ударений³ и используя, помимо «игры» ударениями, словесную инструментовку стиха. Для этого стоит только сравнить описание вальса и мазурки, посмотреть, как расположены пиррихии в строфе о вальсе и как в строфе о мазурке почти все ударения возвращаются на положенное им по схеме место; обратить внимание на аллитерации в строфе о мазурке, отбор слов, не только означающих то, что нужно, но и звучащих соответствующим образом. В «Евгении Онегине» Пушкин довел до виртуозности свой стих, опираясь на природу русского языка, в словаре которого заложены богатейшие возможности не только стихотворных ритмов,

---

¹ Здесь характеристика — в подтексте «фонвизинской» фамилии.

² Шутка Пушкина: Буянов — герой поэмы дяди поэта, В. Л. Пушкина, «Опасный сосед».

³ Такая стопа называется — пиррихий.

но и всей мелодики стиха, включая и его инструментовку.¹

Картина именин у Лариных (вечерний пир, провинциальный бал) вносит новые штрихи в облик главных героев романа. Неожиданный приезд Онегина не мог не взволновать Татьяну.

...двух друзей
Сажает прямо против Тани.
И, утренней луны бледней
И трепетней гонимой лани,
Она темнеющих очей
Не подымает: дышет бурно
В ней страстный жар, ей душно, дурно;
...слезы из очей
Хотят уж капать...
...Но воля и рассудка власть
Превозмогли...

Татьяна проявила сдержанность, способность превозмочь охватившее ее волнение.

Онегин, «попав на пир огромный»,

Уж был сердит...
Надулся он и, негодуя,
Поклялся Ленского взбесить...

Эгоизм и презрение к людям (а ведь на именинах были не только гвоздины, простаковы и петушковы, но и Татьяна, Ленский, Ольга) проявляются в его поведении. И в то же время

...девы томный вид,
Ее смущение, усталость
В его душе родили жалость:
Он молча поклонился ей;
Но как-то взор его очей
Был чудно нежен. Оттого ли,
Что он и вправду тронут был,
Иль он, кокетствуя, шалил...
...Но взор сей нежность изъявил;
Он сердце Тани оживил.

Не будем гадать, кокетство это или действительное чувство, но дальнейшее поведение Онегина, его пошлое ухаживание за Ольгой, в которую, знает он, так ревниво влюблен Ленский, не вызовут одобрения читателя. Лен-

---

¹ Вот почему, изучая пушкинский стих, нельзя ограничиться только ритмом, рифмой и строфической организацией его, надо наблюдать все элементы мелодики стиха.

ский взбешен, оскорблен. Энергична концовка картины именин:

Не в силах Ленский снести удара;
Проказы женские кляня,
Выходит, требует коня.
И скачет. Пистолетов пара,
Две пули — больше ничего —
Вдруг разрешат судьбу его.

Концовка V главы завязывает и центральный эпизод следующей главы романа.

* * *

Точные даты создания VI главы «Евгения Онегина» не установлены. Пушкин в своем перечне глав, составленном в Болдине, пометил ее 1826 годом и указал Михайловское как место ее создания. Вероятно, работа над ней относится к последним месяцам жизни в ссылке.

Это было трудное и смутное время в жизни поэта. В конце июля 1826 года он узнал о казни пяти декабристов. Доходили вести о ссылке на каторгу или отдаче в солдаты других участников движения. Среди казненных и сосланных были «друзья, товарищи, братья»... Прошел слух, что Н. И. Тургенев арестован в Лондоне и привезен в Петербург на корабле.

...В наш гнусный век
Седой Нептун земли союзник.
На всех стихиях человек —
Тиран, предатель или узник¹.

Участь самого поэта еще не была решена...

И в развитии сюжета романа наступил перелом. Центральным эпизодом VI главы (Пушкин назвал ее «Поединок») является дуэль и смерть Ленского.

Общий тон повествования становится все серьезнее, во многих строфах звучит неподдельная грусть. В лирических отступлениях — печальные размышления о жизни, об уходящей молодости.

---

¹ «Ты море, древний душегубец» — стихотворение в письме к П. А. Вяземскому 14 августа 1826 г.

В начале главы выведено новое эпизодическое лицо: секундант Ленского, Зарецкий, соседний помещик. Пушкин создает образ стареющего «на покое» в своей усадьбе бывшего буяна, атамана «трактирной шайки», бреттера¹ и картежника. Как и все другие эпизодические действующие лица, Зарецкий нарисован ярко, сочно, жизненно и дополняет галерею типов поместных дворян, выведенную в романе.

Очень важными для характеристики Онегина являются строфы, передающие его размышления после получения через Зарецкого вызова на дуэль.

Проследим ход мыслей героя:

..Евгений
Наедине с своей душой
Был недоволен сам собой.
И поделом! в разборе строгом,
На тайный суд себя призвав,
Он обвинял себя во многом:
Во-первых, он уж был неправ,
Что над любовью робкой, нежной
Так подшутил вечер небрежно.
А во-вторых: пускай поэт
Дурачится; в восемнадцать лет
Оно простительно. Евгений,
Всем сердцем юношу любя,
Был должен оказать себя
Не мячиком предрассуждений,
Не пылким мальчиком, бойцом,
Но мужем с честью и умом.
Он мог бы чувства обнаружить,
А не щетиниться, как зверь;
Он должен был обезоружить
Младое сердце..

(Подчеркнуто мною — К. Л.)

Какие правильные, добрые, гуманные мысли! Онегин действительно является здесь «мужем с честью». Честность, порядочность ему присущи. Он способен критически отнестись к себе. Кажется, надо оседлать коня и мчаться к Ленскому мириться.

Но вслед за этим — неожиданный поворот в ходе размышлений:

---

¹ Бреттер — задира, ищущий малейшего повода для вызова на дуэль.

...«Но теперь
Уж поздно; время улетело...
К тому ж, — он мыслит, — в это дело
Вмешался старый дуэлист;
Он зол, он сплетник, он речист...
Конечно, быть должно презренье
Ценой его забавных слов,
Но шепот, хохотня глупцов...»
И вот общественное мнение!
Пружина чести, наш кумир!
И вот на чем вертится мир!

(Подчеркнуто мною — К. Л.)

Неожиданно опять звучит слово честь, но уже в другом осмыслении. Там, в начале внутреннего монолога героя, это слово означало подлинную честь, т. е. честное отношение к людям и себе, высокую порядочность. Здесь — это слово означает «честь» дворянскую, совсем особого склада, по существу весьма далекую от подлинного, «природного» значения слова. Эта «честь» в кавычках требовала бессмысленного и безнравственного убийства друга из-за пустяков; позволяла не платить долга бедному портному за сшитое платье, но требовала безусловной уплаты картежного долга. Словом, эта «честь» противоположна настоящей чести. Эта «честь» была живуча и дожила до Октябрьской революции. Это «честь» фамусовского общества. Вот почему цитата из «Горя от ума» — «И вот общественное мнение» — так естественно включается в стихи Пушкина.

Онегин презирает дворянское общество. Он — выше его по своему уму и развитию, по своим взглядам. Он может в некоторых делах нарушать его «нормы». Так, он приведет на дуэль в качестве секунданта своего лакея-француза, что совсем не полагалось по дворянскому дуэльному кодексу. Но когда дело дошло до вопроса серьезного, большого, он спасовал. Он не может перешагнуть границу ложных понятий, которые порождены в нем принадлежностью к своему классу. Эта раздвоенность сознания типична для дворянских интеллигентов, и долгое время она будет одной из важных тем произведений литературы XIX века.

Трагический исход дуэли потрясает Онегина:

В тоске сердечных угрызений,
Рукою стиснув писмолет,
Глядит на Ленского Евгений..,
...Онегин с содрогаем
Отходит..

Его душевное равновесие нарушено, совесть его мучит. В VIII главе будет сказано, что он не мог оставаться в местах, где «окровавленная тень ему являлась каждый день».

Гибель Ленского, несомненно, явилась сильным толчком к изменению психологии героя романа и заставила его задуматься о многом.

Примечательны две строфы лирического отступления в эпизоде дуэли. В них мы находим раздумья самого поэта о сохранившемся феодальном обычае, выражено осуждение его.

Роль Ленского в романе заканчивается на страницах VI главы. Авторское отношение к Ленскому сложно. В описании переживаний молодого влюбленного поэта накануне дуэли мы видим живое сочувствие к нему. Но вот перед читателем образец стихов Ленского, написанных в ночь перед поединком. Это настоящая и очень тонкая пародия на элегию унылого романтизма, и, приводя ее, поэт заключает:

Так он писал *темно и вяло*.
(Что романтизмом мы зovem,
Хоть романтизма тут нимало
Не вижу я...)

(Подчеркнуто А. С. Пушкиным — К. Л.)

Пушкин продолжает, следовательно, полемику против мечтательного, пассивного романтизма, не признавая его романтизмом истинным. Мы знаем, что его требования к истинному романтизму по существу были требованиями реализма (это слово появилось только в 1835 году в одной из статей В. Г. Белинского).

Рассказ поэта о смерти Ленского полон искренней печали и жалости. Стихи о только что убитом юноше потрясают. Это — истинный реализм и необычайная глубина поэтического изображения смерти:

Недвижим он лежал, и странен
Был томный взор его чела. . .
...Тому назад одно мгновенье
В сем сердце билось вдохновенье,
Вражда, надежда и любовь,
Играла жизнь, кипела кровь.
Теперь, как в доме опустелом,
Все в нем и тихо и темно;
Замолкло навсегда оно.

Закрты ставни, окна мелом
Забелены. Хозяйки нет.
И где, бог весть. Пропал и след.

Поразительное по простоте и верности сравнение (дом опустелый) сменило по-свѣдому прекрасные, но заимствованные из уже уходящего литературного стиля метафоры предыдущей строфы:

...цвет прекрасный
Увял на утренней заре,
Потух огонь на алтаре!..

Так нередко сталкиваются в романе различные языковые стили; побеждает же в конечном итоге стиль реалистического письма.

Пушкин с живым интересом, с пониманием и любовью относится к своим героям. Этой теплотой в изображении людей, способностью проникнуть в их душу исполнен весь роман. Интересны размышления о возможных судьбах Ленского. В окончательном тексте романа два варианта: Ленский мог бы стать настоящим, большим поэтом.

...Быть может...
Его умолкнувшая лира
Гремучий, непрерывный звон
В веках поднять могла...

Но возможен и другой путь Ленского:

А может быть и то: поэта
Обыкновенный ждал удел..

и следует насмешливая картина бездумного существования помещика, «счастливого» в своем мещанском благополучии.

Однако в черновиках намечался еще и возможный третий путь, «грозный путь» больших общественных свершений: Ленский мог «...быть повешен, как Рылеев». Конечно эти стихи пришлось вымарать: они не были бы пропущены цензурой.

В конце главы — трогательное поэтическое описание могилы Ленского:

Есть место: влево от селенья,
Где жил питомец вдохновенья,
Две сосны корнями срослись,
Под ними струйки извились
Ручья соседственной долины.
Там пахарь любит отдыхать,
И жницы в волны погружать
Приходят звонкие кувшины...

Тема Ленского, история его жизни в романе (так же, как и история Онегина) есть художественно-образное отражение размышлений поэта все по поводу того же важного вопроса: судьбы молодого человека двадцатых — тридцатых годов XIX века.

Три строфы, посвященные описанию могилы Ленского, представляют собой настоящую элегию, элегию мечтательного романтизма. Но с нее совершенно снят какой бы то ни было оттенок иронии. К описанию могилы Ленского поэт возвратится и в начале VII главы (строфы VI и VIII):

Меж гор, лежащих полукругом,
Пойдем туда, где ручеек
Виясь бежит зеленым лугом
К реке сквозь липовый лесок.
Там соловей, весны любовник,
Всю ночь поет; цветет шиповник,
И слышен говор ключевой, —
Там виден камень гробовой
В тени двух сосен устарелых.
Пришельцу надпись говорит:
«Владимир Ленский здесь лежит,
Погибший рано смертью смелых,
В такой-то год, таких-то лет.
Покойся, юноша — поэт!»

Несомненно, о могиле Ленского таким тоном и надо было писать. И поэт не побоялся применить речевой стиль романтической элегии, правда без его крайностей, хотя сам уже давно в своем творческом пути перешагнул этот рубеж.

В тон общему печальному характеру большим лирическим отступлением заканчивается VI глава. Это знаменитое «прощание с юностью», как нередко называют его читатели романа. Прошло уже около пяти лет с тех пор, как в Кишиневе молодой, кипящий Пушкин начал правдивое повествование о своих современниках. За эти годы многое изменилось и в жизни поэта. Многие были достигнуты в его творческом труде. Были радостные, счастливые события в его жизни. Но много было и трудного и тяжелого. И конечно, всего тяжелее для поэта был трагический конец героического выступления его «друзей, товарищей, братьев». Пришла зрелость, жизненный опыт стал неизмеримо глубже и отношение к жизни серьезнее. Строфы лирического отступления не говорят ни о событиях общественных, ни о фактах лич-

ной биографии, они являются размышлением — итогом пережитого. Проникновенно и искренне звучат стихи последних строф VI главы:

...Лета к суровой прозе клонят,
Лета шалунью рифму гонят,
И я — со вздохом признаюсь —
За ней лениво волочусь...
...Так, полдень мой настал, и нужно
Мне в том сознаться, вижу я,
Но, так и быть: простимся дружно,
О юность легкая моя!
Благодарю за наслажденья,
За грусть, за милые мученья,
За шум, за бури, за пиры,
За все, за все твои дары;
Благодарю тебя...

А самая последняя строфа прямо навеяна впечатлениями от светского круга, в котором вновь оказался поэт после жизни в глуши Михайловского:

А ты, младое вдохновенье,
...В мой угол чаще прилетай,
Не дай остыть душе поэта,
Ожесточиться, очерстветь,
И, наконец, окаменеть
В мертвящем упоеньи света,
В сем омуте, где с вами я
Купаюсь, милые друзья!

* * *

В своей записке о хронологии создания «Евгения Онегина» Пушкин против VII «Песни» (как он назвал главы романа) пометил «Москва» (название главы) и затем обозначил места, где он писал: «Михайловское, Петербург, Малинники» (имение Вульфов в Тверской губернии). Годы создания указаны: «1827, 1828».

Это были «годы скитаний» после возвращения из ссылки, когда поэт жил то в Москве, то в Петербурге, порой наезжал в Михайловское, порой гостил у друзей в Малинниках.

В предшествующей, VI главе романа завершился первый цикл событий основной сюжетной линии: встреча Онегина с Татьяной, ее любовь, ее письмо, вторая встреча (в саду) и «исповедь» Онегина, несчастная дуэль, отъезд Онегина в долгое путешествие.

Седьмая глава является экспозицией ко второму циклу событий, который быстро развернется в последней, VIII главе.

Движения сюжета в VII главе нет (Онегин отсутствует, Татьяна продолжает в одиночестве томиться и тосковать, так и не переставая любить Онегина и думать о нем). Но зато в этой главе есть эпизод, имеющий большое значение для развития образов и Татьяны, и Онегина.

Этот эпизод — посещение Татьяной опустевшей усадьбы Онегина.

Был вечер. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жук жужжал,
Уж расходились хороводы;
Уж за рекой, дымясь, пылал
Огонь рыбачий. В поле чистом,
Луны при свете серебристом,
В свои мечты погружена,
Татьяна долго шла одна.

Татьяна оказывается в кабинете Онегина. Обратим внимание на обстановку кабинета:

...И стол с померкшею лампадой,
И груда книг, и под окном
Кровать, покрытая ковром,
И вид в окно сквозь сумрак лунный,
И этот бледный полусвет,
И лорда Байрона портрет,
И столбик с куклою чугунной
Под шляпой, с пасмурным челом,
С руками, сжатыми крестом.¹

Неправда ли, в этом кабинете совсем другой «дух», чем в петербургском кабинете I главы? На первый план выступают теперь другие детали (вспомните строфы XXV и XXVI I главы).

Татьяна снова и снова посещает кабинет Онегина. Она перебирает эту «груду книг» и находит следы внимательного чтения их Онегиным.

Хранили многие страницы
Отметку резкую ногтей...
...Везде Онегина душа
Себя неволью выражает
То кратким словом, то крестом,
То вопросительным крючком.

Татьяна читает особенно привлечшие ее внимание книги. Это, прежде всего, — поэмы Байрона и еще

¹ Статуэтка Наполеона I.

...Два-три романа,
В которых отражался век,
И современный человек
Изображен довольно верно
С его безнравственной душой,
Себялюбивый и сухой,
Мечтанью преданной безмерно,
С его озлобленным умом,
Кипящим в действии пустом.

В доме Лариных ни Байрона, ни новейших западноевропейских романов, конечно, не было, они еще не дошли до провинциального читателя.

Татьяна читает книги Онегина и раздумывает о том, что же собой представляет герой ее неудавшегося романа.

...И начинает понемногу
Моя Татьяна понимать
Теперь яснее — слава богу —
Того, по ком она вздыхать
Осуждена судьбою властной:
Чудак печальный и опасный,
Созданье ада иль небес,
Сей ангел, сей надменный бес,
Что ж он? Ужели подражанье,
Ничтожный призрак, иль еще
Москвич в Гарольдовом плаще,
Чужих причуд истолкованье,
Слов модных полный лексикон?...
Уж не пародия ли он?

Татьяна пришла к мысли, что Онегин вовсе не тот герой, какого она создала в своем воображении; что он не тот Онегин, к какому она писала письмо. Кто же он, т. е. каков его характер, каковы его взгляды на жизнь и почему он выглядит «чужаком печальным и опасным...»? Утверждений в этих размышлениях нет, предположения неизменно заканчиваются вопросительным знаком.

Ужель загадку разрешила?
Ужели слово найдено?

Нет, слово не найдено. И автор, пожалуй, и сам еще не может произнести это слово, т. е. определенную оценку Онегина. Напротив, автор делает остроумный ход:

Часы бегут; она забыла,
Что дома ждут ее давно...

Надо идти домой. Решение вопроса о том, кто же такой Онегин, отложено.

Для Татьяны этот эпизод и весь опыт несчастной любви имеют первостепенное значение. «Итак, в Татьяне, наконец, совершился акт сознания, — пишет В. Г. Белинский, — ум ее проснулся. Посещения дома Онегина и чтение его книг приготовили Татьяну к перерождению из деревенской девушки в светскую даму».¹

Далее следует рассказ о сборах Лариных, о долгом путешествии в Москву. В него включаются и строфы авторского отступления о древней столице русского государства,

Ах, братцы! как я был доволен,
Когда церковей и колоколен,
Садов, чертогов полукруг
Открылся предо мною вдруг!
Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!
Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!

Не менее прекрасна по выражению патриотического чувства поэта строфа о Петровском замке, в котором безрезультатно ждал Наполеон делегации «с ключами старого Кремля».

В рассказе о пребывании матери и дочери Лариных в Москве — блестящее сатирическое изображение московского дворянского общества. Татьяну вывозят «в свет», она бывает на «родственных» обедах. Откровенно сатирически изображены люди, которых встречает Татьяна.

Но в них не видно перемены;
Все в них на старый образец:
У тетушки княжны Елены
Все тот же тюлевый чепец;
Все белится Лукерья Львовна,
Все то же лжет Любовь Петровна,
Иван Петрович так же глуп...

Ряд, казалось бы, мелких деталей, но в результате — впечатление пустоты, застоя.

Татьяна вслушаться желает
В беседы, в общий разговор;
Но всех в гостиной занимает
Такой бессвязный, пошлый вздор...

¹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VII, Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 497—498.

Правда, и здесь Пушкин вводит одну деталь, напоминающую о неоднородности среды московского общества. И там есть, хоть и немного их, люди другого склада:

У скучной тетки Таню встреча,
К ней как-то Вяземский подсел
И душу ей занять успел...

Строфа о театре, где побывала Татьяна, как бы повторяет характеристику Петербургского большого театра, данную в I главе. Трагедия — старая, «классическая», комедия не вызывает внимания, и

...Терпсихоре лишь одной
Дивится зритель молодой,

т. е. по-прежнему на высоте — русский балет.

Здесь, в Москве, решается судьба Татьяны. Она со-
сватана каким-то «важным» генералом.

Заключительная строфа главы включает иронически-
полемический выпад против классицизма (ведь он еще
не окончательно умер):

Но здесь с победою поздравим
Татьяну милую мою
И в сторону свой путь направим,
Чтоб не забыть, о ком пою...
Да кстати, здесь о том два слова:
Пою приятеля младого
И множество его причуд.
Благослови мой долгий труд,
О ты, эпическая Муза!
И верный посох мне вручив,
Не дай блуждать мне вкось и вкрив.
Довольно. С плеч долой обуза!
Я классицизму отдал честь:
Хоть поздно, а вступление есть.

Пушкин пародирует обычное в классицизме начало
эпических поэм с обращением к музе, с указанием на
героя, которого будет воспевать поэт.

* * *

В плане романа, составленном Пушкиным в Болдине в 1830 году, дан такой перечень глав:

Часть первая

I	песнь	Хандра
II		Поэт
III		Барышня

Часть вторая

IV		Деревня
V		Именины
VI		Поединок

Часть третья

VII		Москва
VIII		Странствие
IX		Большой свет

Но, издавая роман в 1833 году, поэт снял деление на три части, изъял главу «Странствие», а на ее место поставил главу «Большой свет», ставшую VIII и последней главой романа. В качестве приложения были даны «Отрывки из путешествия Онегина».

Поэт трудился над VIII главой с конца 1829 года и закончил ее в сентябре 1830 года, перед своей женитьбой. Это была знаменитая Болдинская осень. Кроме «Евгения Онегина», в Болдине поэт закончил много начатых ранее произведений и создал ряд новых.

Заканчивая роман, Пушкин в длинном лирическом отступлении в форме широко развернутой метафоры обобщенно излагает свой творческий путь от начала его и до этапной Болдинской осени 1830 года. Метафора состоит в том, что история развития творчества Пушкина представлена как история первого явления и многих изменений «лица» его Музы¹.

Первое «явление» молодой Музы:

В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал...
...Весной, при кликах лебединых,
Близ вод, сиявших в тишине,
Являться Муза стала мне.
Моя студенческая келья
Вдруг озарилась: Муза в ней
Открыла пир молодых затей...

¹ См. стихотворение «Муза» (1821), где применена эта же метафора.

...И свет ее с улыбкой встретил;
Успех нас первый окрылил.
Старик Державин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил.

Затем — годы первого петербургского периода (1817—1820). Муза этих лет:

...как вакханочка, резвилась,
За чашей пела для гостей,
И молодежь минувших дней
За нею буйно волочилась, —
А я гордился меж друзей
Подругой ветреной моей.

Глубоко спрятанный намек на вольнолюбивый характер многих из стихотворений этого периода; думается, заключается в стихах о «шуме пиров и буйных споров, грозы полуночных дозоров...».

Затем — строки о ссылке на юг и о Музе периода южных поэм:

Но я отстал от их союза
И вдаль бежал...¹ Она за мной,
Как часто ласковая Муза
Мне услаждала путь немой
Волшебством тайного рассказа!
Как часто по скалам Кавказа
Она Ленорой, при луне,
Со мной скакала на коне!
Как часто по брегам Тавриды
Она меня во мгле ночной
Водила слушать шум морской,
Немолчный шепот Нереиды...

Далее идут строки:

И, позабыв столицы дальней
И блеск и шумные пиры,
В глуши Молдавии печальной
Она смиренные шатры
Племен бродящих посещала
И между ними одичала...

Эти стихи вызывают воспоминания о «Цыганах», последней романтической поэме.

---

¹ В черновиках находим: Но рок мне бросил взоры гнева
И вдаль унес...

Вдруг изменилось все кругом:
И вот она в саду моем
Явилась барышней уездной,
С печальной думою в очах,
С французской книжкою в руках.

Муза в обличи Татьяны Лариной. Это — «Евгений Онегин», начиная со II главы.

И наконец:

И ныне Музу я впервые
На светский раут привожу...
...Сквозь тесный ряд аристократов,
Военных франтов, дипломатов
И гордых дам она скользит,
Вот села тихо и глядит..

Это — VIII глава «Онегина».

В этом изображении вех своего творческого пути поэт помещает «Цыган» между романтическими произведениями, связанными с впечатлениями Кавказа и Крыма, и «Евгением Онегиным», нарушая строгую «формальную» хронологию. Известно, что за «Цыган» он взялся через восемь месяцев, после того как начал писать свой роман в стихах. Но поэт по существу верно осознает движение своего творчества: от романтизма к новому этапу, озаглавленному «Евгением Онегиным» и названному в истории литературы реализмом.

Новый цикл событий открывается неожиданно встречей вернувшегося из странствий Онегина с Татьяной на светском рауте в Петербурге.

Но это кто в толпе избранной
Стоит безмолвный и туманный?
Для всех он кажется чужим.

(Выделено мной — К. Л.)

И как бы от лица присутствующих ставится (как и в эпизоде посещения Татьяной кабинета Онегина) ряд вопросов. В них слышится язвительная и вместе с тем печальная насмешка над героем. В одном из черновых вариантов об Онегине было сказано: «Как нечто лишнее стоит» (выделено мной — К. Л.) среди светской толпы.

Как известно, Герцен назвал Онегина «лишним человеком», конечно не читая черновиков Пушкина. Какие же вопросы поставлены об Онегине?

Все тот же ль он, иль усмирился?
Иль корчит так же чудака?
Скажите, чем он возвратился?
Что нам представит он пока?
Чем нынче явится? Мельмотом,
Космополитом, патриотом,
Гарольдом, квакером, ханжой,
Иль маской щегольнет иной...¹

Несомненно эти вопросы идут от лица «судей строгих» из светского круга, ибо заканчиваются они благоразумным советом «отстать от моды обветшалой, довольно он морочил свет. . .».

Ответов на эти вопросы нет. «Слово» все еще не найдено, но автор берет Онегина под защиту. Мысль, заключенная в IX строфе, такова: нельзя точно сказать, кто такой Онегин, но он оказывается «для всех» (т. е. для всего светского круга) лишним, чужим, потому что он не такой, как все; потому,

Что пылких душ неосторожность
Самолюбивую ничтожность
Иль оскорбляет, иль смешит,
Что ум, любя простор, теснит..
И что посредственность одна
Нам по плечу и не странна?..

«Слово» не найдено. Но одно ясно: он не посредственность, которая так хорошо может ужиться со всеми. Следует изображение посредственности, людей из числа таких, о ком говорят: «прекрасный человек».

Именно потому, что Онегин не посредственность, а нечто выше ее стоящее и ей непонятное, он и не нашел своего счастья и своего пути. Строфа XI, заключающая эти интересные и грустные размышления о сущности Онегина, полна печали. Автор раздумывает об Онегине, а может быть, отчасти и о себе:

Но грустно думать, что напрасно
Была нам молодость дана..
...Что наши лучшие желанья,
Что наши свежие мечтанья
Истлели быстрой чередой,
Как листья осенью гнилой..

---

¹ Мельмот скиталец — загадочный, обреченный против своей воли причинять зло и несчастье людям герой одноименного романа французского писателя Матюрэна (1820 год); Гарольд — герой поэмы Байрона; квакеры — религиозная секта; в окружении Александра I были члены этой секты.

Весь смысловой и психологический подтекст последней главы романа исполнен грусти. Не только герой изменился к концу романа. Изменился и автор. Тяжелым грузом лежат пережитые жизненные потери. Даже не встречая в тексте никаких намеков на происшедшие за последние годы события, мы чувствуем авторское настроение, настроение мыслящего человека времени первых лет николаевского царствования, после разгрома декабристов.

Когда мы перебираем длинный ряд определений, в порядке вопроса прилагаемых к Онегину (строфа VIII), наше внимание привлекают два слова: «космополит» и «патриот».

Раздумывая над эволюцией героя от первой к последней главе романа, мы можем, кажется, сказать: уже не космополит, еще не патриот. Таков Онегин в конце романа.

Не космополит, потому что он успел много постранствовать по родной стране; глотая книги, он «прочел из наших кой-кого»; в мечтаниях его возникали «тайные преданья сердечной, темной старины» (строфа XXXVI).

Он «стихов российских механизма едва в то время не постиг...» (строфа XXXVIII). Но еще не патриот: не осознал своего места в жизни страны.

А Татьяна?

Прошло три года с тех пор, как гибель Ленского прервала ее отношения с Онегиным. Москва, замужество, переезд в Петербург... Татьяна стала княгиней, дамой аристократического круга. Мы не знаем подробностей о том, как сложилась жизнь Татьяны за эти годы... Ее «выход» в последней главе романа «обставлен» поэтом так, что подчеркивает большие перемены, происшедшие в ней.

Но вот толпа заколебалась,
По зале шепот пробежал...
К хозяйке дама приближалась,
За нею важный генерал.
Она была нетороплива,
Не холодна, не говорлива,
Без взора наглого для всех,
Без притязаний на успех,
Без этих маленьких ужимок,
Без подражательных затей...
Все тихо, просто было в ней,

Она казалась верный снимок
Du comte il faut...¹ (Шишков, прости:
Не знаю, как перевести).

Татьяна не только заняла высокое положение в обществе, — она сумела привлечь к себе людей:

К ней дамы подвигались ближе;
Старушки улыбались ей;
Мужчины кланялися ниже,
Ловили взор ее очей;
Девушки проходили тише
Пред ней по зале...

Какое огромное расстояние отделяет эту Татьяну от той провинциальной барышни, какую мы видели ее в деревенской усадьбе Лариных! Но есть в этой характеристике манеры поведения Татьяны строки, привлекающие наше внимание: «все тихо, просто было в ней» и т. д. Раздумывая над этими словами, мы начинаем догадываться, что при всех переменах Татьяну нельзя ограничить определением: дама высшего круга. Есть в ней что-то, скрытое глубоко, что говорит и о другом... Обратим внимание на брошенное замечание:

Как изменилася Татьяна!
Как твердо в роль свою вошла!
(Выделено мной — К. Л.)

Эпизоды встреч с Онегиным после долгой разлуки подчеркивают полное самообладание Татьяны. Теперь сюжетный клубок романа вновь начинает разматываться очень быстро, и роман приходит к завершению. Встреча с Татьяной пробуждает Онегина. И с ним за годы разлуки произошли большие перемены, он многое пережил, видел, передумал, с тех пор как «читал когда-то наставленья» уездной барышне. Стал серьезнее, многое понял; состояние неудовлетворенности жизнью осталось, но сама эта неудовлетворенность стала иной. И неожиданно оказалось, что он способен к настоящей, страстной любви, какой он еще не испытал.

История любви Онегина — это в своем роде повторение истории любви Татьяны, только роли переменились. Возникает целый ряд параллельных мотивов. Письмо Онегина построено по тому же плану, что и письмо Татьяны. Вот немногие примеры:

---

¹ благопристойности

Увы, Татьяна увядает;
Бледнеет, гаснет и молчит!

Письмо Татьяны

Я к вам пишу — чего же боле?
Что я могу еще сказать?
Теперь, я знаю, в вашей воле
Меня презреньем

наказать...

Когда б надежду я имела
Хоть редко, хоть в неделю раз,
В деревне нашей видетъ вас,
Чтоб только слышать ваши
речи...

Бледнеть Онегин начинает...
Онегин сохнет, и едва ль
Уж не чахоткою страдает...

Письмо Онегина

Предвижу все, вас оскорбит
Печальной тайны объясненье.
Какое горькое презренье
Ваш гордый взгляд изобразит!..

Нет, поминутно видетъ вас,
Повсюду следовать за вами...
...Я знаю: век уж мой измерен;
Но чтоб продлилась жизнь

моя,

Я утром должен быть уверен,
Что с вами днем увижусь я...

Но в письме Татьяны — любовь мечтательной де-
вушки, в письме Онегина — энергичное выражение стра-
сти зрелого человека. В. Г. Белинский писал: «Письмо
Онегина к Татьяне горит страстью; в нем уж нет иронии,
нет светской уверенности, светской маски... он бросился
в эту борьбу... со всем безумством истинной страсти,
которая так и дышит в каждом слове его письма». В нашу, советскую эпоху В. В. Маяковский, цитируя в
одном из своих выступлений четверостишие из письма
Онегина:

Я знаю, век уж мой измерен... и т. д.,

сказал, что он два дня ходил под обаянием этого чет-
веростишия¹.

В сцене последнего свидания как бы повторяется
далекое первое объяснение в саду усадьбы Лариных, но
теперь Онегин молча (как тогда Татьяна) выслушивает
отповедь Татьяны. В искренней и печальной речи
Татьяны образ ее раскрывается в полной мере. Перед
нами прежняя Татьяна, но уже умудренная печальным
опытом жизни, русская женщина, искренняя и глубоко
чувствующая, верная моральным принципам, которые

¹ В. Маяковский. Полн. собр. соч. в тринадцати томах, том XII. Гос. изд. художеств. литературы. М., 1959, стр. 265. Маяковский первую строку четверостишия несколько изменил: «Я знаю, жребий мой измерен».

она раз и навсегда приняла. Мы чувствуем в этом ее силу и превосходство над Онегиным. Высокое положение, «успехи в вихре света» не прельщают ее:

А мне, Онегин, пышность эта,
Постылой жизни мишура,
Мои успехи в вихре света,
Мой модный дом и вечера,
Что в них? Сейчас отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этот блеск, и шум, и чад
За полку книг, за дикий сад,
За наше бедное жилище,
За те места, где в первый раз,
Онегин, видела я вас,
Да за смиренное кладбище,
Где нынче крест и тень ветвей
Над бедной нянею моей...

Татьяна отвергает любовь Онегина не потому, что больше не любит его, а потому, что не может изменить самой себе, своим взглядам на жизнь, своим этическим принципам. В последних словах, обращенных к Онегину,

Я вас прошу, меня оставить;
Я знаю: в вашем сердце есть
И гордость, и прямая честь...

слово «честь» в последний раз звучит со страниц романа и теперь уже в своем первом, прямом и высоком значении.

Онегин охвачен целой «бурей ощущений». Автор оставляет героя «в минуту злую для него». Так заканчивается роман. Но перед героем еще впереди жизнь. «Что случилось с Онегиным потом? Воскресила ли его страсть для нового, более сообразного с человеческим достоинством страдания? Или убила она все силы души его, и безотрадная тоска его обратилась в мертвую, холодную апатию? Не знаем, да и на что нам знать это, когда мы знаем, что силы этой богатой природы остались без приложения, жизнь без смысла, а роман без конца?» — пишет В. Г. Белинский¹.

Мы просмотрели содержание восьми глав романа, и хотя судьба Онегина не доведена в них «до конца» (в допушкинских романах таким концом были обычно или свадьба, или смерть героя), тем не менее у нас возникает впечатление цельности и законченности произве-

¹ В. Г. Белинский, Соч., т. VII, АН СССР, М., 1955, стр. 469.

дения. Ибо незавершенность и неясность судьбы героя, после того как автор оставляет его «надолго, навсегда» в «минуту злую для него», — есть своеобразный и сильный конец. Это хорошо понял В. Г. Белинский и, утверждая, с одной стороны, что «роман остался без конца», в то же время писал: «Поэт, благодаря своему творческому инстинкту, мог написать полное и законченное сочинение... и умел остановиться именно там, где роман сам собою чудесно заканчивается и развязывается, — на картине потерявшегося, после объяснения с Татьяной, Онегина»¹.

Можно подвести некоторые итоги.

Онегин — незаурядный, одаренный молодой человек из среды культурного круга. У него большие запросы, требования к жизни, острый, наблюдательный ум. Он способен глубоко чувствовать и глубоко переживать тоску по настоящей жизни — жизни, исполненной больших человеческих стремлений, подчиненной благородной цели. Таков он в конце романа, и не может не вызвать нашей симпатии. В то же время, читая роман, мы видим слабые стороны личности героя: его индивидуализм, отсутствие связи с исторически развивающейся жизнью своей страны. Отсюда — отсутствие цели в жизни, неспособность создать цельное мировоззрение, освещающее жизнь и помогающее определить свое место в ней. Мы понимаем также, что эти свойства его личности не столько вина, сколько беда героя, он же от них и страдает. Недаром В. Г. Белинский, рассматривая вопрос о моральных качествах Онегина, не считает его по природе эгоистом, сухим человеком. Но влияние окружающей его среды и обстоятельств привели к тому, что Онегин стал «эгоистом поневоле», «страдающим эгоистом». Мы соглашаемся с великим критиком, отрицающим попытки охарактеризовать «Онегина как подражание западным писателям. Нет, «Онегин» — не Мельмот, не Чайльд-Гарольд, не демон, не пародия...», — он недюжинный человек, «...бездеятельность и пошлость жизни душит его; он даже не знает, что ему надо, чего ему хочется; но он знает, и очень хорошо знает, что ему не надо, что ему не хочется

---

¹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VII. Изд. АН СССР, 1955, стр. 445.

того, чем так довольна, так счастлива самолюбивая посредственность»¹.

Почему Онегин не нашел применения своим силам в плодотворной деятельности?

«Зачем? зачем? — Затем, милостивые государи, что пустым людям легче спрашивать, нежели дельным отвечать», — сердито замечает Белинский, намекая своим современникам, что о многом сказать просто нельзя.

«Зло скрывается не в человеке, но в обществе». В другом месте Белинский говорит о «фатуме» (так называли в древности «неизбежную», predetermined судьбу человека), и догадливый читатель-современник понимал, что этим словом обозначена совокупность общественных отношений самодержавной и крепостнической России двадцатых годов XIX века.

Только немногие герои преодолевали силу «фатума» и революционным подвигом пытались победить этот «фатум». Такими героями стали декабристы. Онегин восьми глав романа еще не таков, хотя в развивающейся его личности есть задатки, сближающие его с передовыми людьми эпохи.

А. И. Герцен в книге «О развитии революционных идей в России» (опубликованной за границей в 1851 г.) нашел удачное определение Онегину: «Это лишний человек в той среде, где он находится». «Онегин — русский, он возможен лишь в России; там он необходим, и там его встречаешь на каждом шагу»². Так за Онегиным, а вслед за тем и за героями целого ряда произведений русской литературы вплоть до пятидесятых годов XIX века утвердилось это удачно найденное определение. Но его не следует понимать буквально, слишком прямолинейно. «Лишние люди» были нужны в историческом развитии русского общества, они выполняли свою прогрессивную задачу. Великая заслуга Пушкина и заключалась в умении понять и художественно-правдиво показать этот только что еще появившийся в его время типический характер со всеми его конкретно-индивидуальными особенностями.

Мужскую часть дворянской интеллигенции Пушкин показал в Онегине и Ленском. В Татьяне поэт впервые

¹ В. Г. Белинский, т. VII, стр. 457.

² А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. VII. Изд. АН СССР. М., 1956, стр. 204.

в литературе создал высоко поэтический и вместе с тем живой, реалистический образ русской женщины. В Татьяне, хотя это и может показаться на первый взгляд странным, заключается в известной мере ответ на вопрос, каково должно быть отношение дворянской интеллигенции к народу и родине. Этот вопрос возникал у читателя, когда он раздумывал о судьбах Онегина и Ленского. Народность Татьяны, ее русский национальный характер — самое существенное в ней. Это и был ответ на раздумья читателя.

Но роман Пушкина не ограничен рамками этой одной, хотя и важной социально-исторической проблемы. В нем поэтически и мудро освещен целый круг вопросов — моральных и эстетических, волнующих и людей нашего времени. Перечитывая страницы «Евгения Онегина», мы думаем о человеческих характерах и отношениях. Любовь и дружба; родственные, семейные связи; верность и измена; отношения, связи сменяющихся друг друга поколений; глубина и мелкость чувств; порядочность, честность — и ложь и беспринципность.

Гений мудрого поэта обнимает огромное пространство жизни, начиная с явлений родной русской природы и кончая, казалось бы, незначительными штрихами быта. И на всем — мягкий свет пушкинской гуманности.

Образ автора — источник этого света. Автор живет, мыслит и развивается вместе с героями своего многолетнего романа-дневника. Вначале это образ молодого и задорного поэта; в последних главах — образ мудрого гуманиста, поднявшегося до высот человеческой мысли и познания жизни.

К роману Пушкина вполне можно отнести слова, сказанные В. Г. Белинским по поводу его лирики: «Читая его творения, можно превосходным образом воспитать в себе человека»¹.

Таков роман, законченный в Болдинскую осень 1830 года. Таким появился он в первом издании 1832 года.

Но, совершенно естественно, читателя — современника Пушкина — и не менее — читателя наших дней волнует вопрос: а как же представлял себе автор даль-

---

¹ В. Г. Белинский, т. VII, стр. 339.

нейшую судьбу Онегина? Не было ли у него каких-либо планов продолжения и другого окончания романа?

Попробуем коротко ответить. Для этого обратимся к тому, что осталось от двух глав, не включенных Пушкиным в роман, — к главе «Странствие»¹ и к X главе романа.

Мы уже отмечали, что главной бедой Онегина была оторванность от русской национальной почвы, незнание им родной страны и жизни народа. Эта сторона Онегина была характерна для значительной части дворянской интеллигенции. И хотя осуждение этой оторванности от народа не высказывается автором прямо, открыто, но чувствуется явственно. Глава «Странствие» и была задумана и написана так, как будто автор стремился в ней заставить героя освободиться от космополитического равнодушия, приблизиться к родине, познакомиться с ее географией, историей, с жизнью народа.

После дуэли с Ленским,

Убив на поединке друга,
Дожив без цели, без трудов
До двадцати шести годов,
Томясь в бездействии досуга..,

Онегин отправляется странствовать. Из деревни он едет в Петербург, оттуда — в Москву. Идет описание маршрута Онегина, его впечатлений от увиденного:

Он видит Новгород-великой,
Смирились площади — среди них
Мятежный колокол утих,
Но бродят тени великанов:
Завоеватель Скандинав,
Законодатель Ярослав
С четою грозных Иоаннов...²

Это уже не «дней минувших анекдоты от Ромула до наших дней», а старина родной русской истории...

Онегин едет дальше.

Теперь
Мелькают мельком, будто тени,
Пред ним Валдай, Торжок и Тверь,

---

¹ Из «Странствия» Пушкин в качестве приложения к роману опубликовал отрывки.

² Мы цитируем отрывки из путешествия Онегина, опубликованные Пушкиным, и некоторые стихи из черновики главы «Странствие».

Онегин проделывает маршрут радищевского путешественника, без многих его подробностей, но с выделением некоторых его же деталей (как, например, «мятежный» вечевой колокол Новгорода).

Онегин едет дальше —

Мелькают версты; ямщики
Поют, и свищут, и бранятся...

Затем — Москва. Из Москвы Онегин едет в Нижний Новгород — «в отчизну Минина» (опять родная история!) Идут впечатления от Нижегородской ярмарки, — она тогда проходила в Макарьеве, вблизи Нижнего. Онегин плывет по Волге.

...Надулась Волга; бурлаки
...Унылым голосом поют
Про тот разбойничий приют,
Про те разъезды удалые.
Как Стенька Разин в старину
Кровавил волжскую волну...

Вот перед ним «торговый Астрахань открылся». Далее — от устья Волги — путь лежит на Кавказ. Там идет упорная борьба.

Брега Арагвы и Куры
Узрели русские шатры...

Далее герой проезжает через Крым и наконец попадает в Одессу, где встречается с автором, «бродит» с ним «по берегам Эвксинских вод»¹.

Путешествие заканчивается:

Онегин, очень охлажденный
И тем, что видел, насыщенный,
Пустился к Невским берегам,
А я от милых южных дам,
От жирных устриц черноморских
...Уехал в сень лесов Тригорских...

Это произошло в августе 1824 года, когда Пушкин был выслан в Михайловское. Путешествие, следовательно, длилось три года.

В рассказе о путешествии Онегина примечательны не только его маршрут, отбор мест, связанных с историческими и патриотическими воспоминаниями, — от начала истории родной страны до современности, когда

¹ Эвксинским морем называлось в древние времена Черное море.

идет завоевание Кавказа, но и детали, касающиеся народных движений («мятежный» колокол Новгорода», Степан Разин). В черновиках не сохранились, очевидно, уничтоженные, строфы, о которых много позже писал первому биографу Пушкина П. Анненкову П. П. Катенин: «Сверх Нижегородской ярмарки и Одесской пристани Евгений видел военные поселения, завезенные Аракчеевым, и тут были замечания, суждения, выражения, — слишком резкие для обнародования». Автор в путешествии Онегина выделяет и ряд наблюдений над жизнью и бытом простого народа, звучат песни ямщиков, когда путешественник мчится мимо мелькающих дорожных верстовых столбов по бесконечным просторам родной земли, слышатся унылые песни бурлаков на Волге.

Какое разительное отличие от описания жизненных впечатлений героя в I главе романа! Недаром в несостоявшейся главе о путешествии и словарь чисто русский, народный, без всякой «иностранины», которая так заметна в описании жизни Онегина в Петербурге.

Идейно-композиционная функция главы «Странствие» ясна. Она имеет непосредственное отношение к развитию и судьбе героя. Это воспитательное и образовательное путешествие. Оно должно было сыграть значительную роль в пробуждении в Онегине чувства родины, в повороте его интересов к вопросам общественным, мотивировать его сближение с той группой передовой молодежи, которую представляли декабристы.

В 1830 году, осенью, готовя издание романа в целом, Пушкин сжег написанную им X главу. До нас дошли зашифрованные поэтом путем особого расположения стихов начальные строки шестнадцати первых строф и неполные черновики еще трех строф. В 1910 году пушкинист П. О. Морозов опубликовал статью, в которой предлагал свою расшифровку, оказавшуюся в основном правильной. Тщательная и длительная работа ученых уже в наше, советское время позволила точно воспроизвести в виде связного текста то, что в зашифрованном виде осталось от X главы после ее сожжения. Сожжение произошло, по собственноручной записи Пушкина, 19 октября 1830 года в Болдине.

В результате мы можем читать примерно $\frac{1}{7}$ или $\frac{1}{8}$ часть текста главы, если считать, что в главе было приблизительно 50 строф (в среднем таков размер глав романа).

В сохранившейся части X главы речь идет об исторических событиях от первых лет царствования Александра I до образования «Союза Спасения» и «Союза Благоденствия» и затем Северного и Южного обществ, т. е. о движении декабристов.

Такое развитие романа приводило героя в круг революционеров дворянского этапа русского освободительного движения. Как действовал бы герой в этих обстоятельствах, мы не знаем. Сохранилось, впрочем, мемуарное свидетельство современника и знакомого Пушкина, М. В. Юзефовича, который пишет: «Он (Пушкин) объяснил нам довольно подробно все, что входило в первоначальный его замысел, по которому, между прочим, Онегин должен был или погибнуть на Кавказе или попасть в число декабристов»¹.

М. В. Юзефович опубликовал свои воспоминания в 1880 году, писал он о далеком прошлом. Едва ли гибель Онегина на Кавказе могла Пушкиным противопоставляться участию в движении декабристов. Мы можем сделать вывод, что среди вариантов решения судьбы своего героя поэту представлялся возможным и приход Онегина к декабризму.

Анализируя главы романа в том виде, в каком он был опубликован поэтом, мы отмечали в обрисовке героя детали, свидетельствующие об оппозиционном отношении Онегина к существующему строю жизни. Если бы в роман включено было полностью «Странствие» Онегина, еще сильнее была бы мотивировка прихода его к декабризму.

Десятая глава, по-видимому, так и решала вопрос.

Но... X глава сожжена; цензура, конечно, ее не пропустила бы; более того, само наличие такой крамольной рукописи в бумагах поэта было опасным для него. Если X главу пришлось уничтожить, нужно ли было «воспитательное» путешествие героя? Ведь в опубликованном романе он остается человеком, не выбравшим своего пути? И Пушкин исключает из состава

---

¹ «Литературное наследство», 16/18, М., 1934, стр. 387.

романа главу о путешествии Онегина, оставив только отрывки из нее.

Думается, не только страх перед цензурой был причиной того, что Пушкин оставляет вопрос о судьбе героя нерешенным. Он как бы указывал этой развязкой на бесконечное разнообразие вариантов судьбы мыслящего молодого человека — своего современника.

Уже в 1835 году он отвечает на советы друзей продолжить роман:

...Вы мне советуете, други,
Рассказ забытый продолжать...
...Что должно своего героя
Как бы то ни было женить,
По крайней мере, уморить,
И лица прочие пристроя,
Отдав им дружеский поклон,
Из лабиринта вывести вон...

(Выделено мной. — К. Л.)

Пушкин не вывел своего героя из лабиринта сложной и противоречивой действительности последекабрьских лет. Но надо различать вопрос о возможной судьбе героя и вопрос о содержании образа Онегина в том романе, который был закончен Пушкиным в восьми главах. И в нем действует закон, блестяще выраженный В. И. Лениным в статье «Лев Толстой как зеркало русской революции»:

«...Если перед нами действительно великий художник, то некоторые хотя бы из существенных сторон революции он должен был отразить в своих произведениях».

Пушкин отразил в романе некоторые существенные стороны состояния русского общества в декабристский период его развития. Общественно-историческое значение романа для современников и ближайших преемников этого этапа развития было велико: произведение Пушкина было фактором пробуждения и активизации самосознания передовых людей.

В развивающейся русской литературе роман Пушкина был произведением, знаменующим становление русской литературы как передовой литературы критического реализма, произведением, предвещающим близкий выход ее на первое место среди европейских литератур.

* * *

Советский народ отмечает ныне 125 лет со дня смерти великого русского поэта. В далекое прошлое ушла николаевская Россия. С Октябрьской революцией началась новая эра в жизни человечества. Программа Коммунистической партии, принятая XXII съездом, открыла невиданные горизонты, и светлое будущее становится реальностью жизни.

Всё стало другим. Но роман Пушкина, наиболее полное, светлое и ясное выражение личности поэта, переиздается вновь и вновь не только на его родине, но и во всем мире. Его читают и перечитывают академики и школьники, рабочие и крестьяне, люди разных профессий. Он не сходит со сцены оперных театров и звучит в удивительной музыке Чайковского; он оживает на экране советского кино, на концертах, на площадках самодеятельных драматических коллективов и на эстраде в устах певцов и мастеров художественного слова. Судьбы Онегина, Татьяны и Ленского, исполненные жизни и поэзии страницы гениального создания Пушкина до сих пор волнуют советских людей. Лучшее создание Пушкина наряду с другими великими произведениями искусства прошлого выполняет свою роль в деле гармонического развития личности, создания подлинного богатства духовной культуры, в установлении гуманных отношений между людьми, в воспитании честности и правдивости, нравственной чистоты, свойственных человеку нового мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. В. Г. Белинский. Сочинения Александра Пушкина. Статьи 8-я и 9-я, «Евгений Онегин».
2. Н. Л. Бродский. А. С. Пушкин. М., 1937, стр. 659—675.
3. Л. Гроссман. Пушкин. М., 1958. Гл. VII.
4. Н. Л. Бродский. «Евгений Онегин», роман А. С. Пушкина. Изд. 3-е, М., 1950.
5. Д. Д. Благой. Мастерство Пушкина. М., 1955.
6. Г. А. Гуковский. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957. Гл. 3-я «Евгений Онегин».
7. Б. С. Мейлах. Пушкин и его эпоха. М., 1958. Глава «Проблема современного героя».
8. А. Слонимский. Мастерство Пушкина. М., 1959.
9. В издании «Евгения Онегина» в серии «Школьная библиотека» Детгиза (М., 1957) весьма интересны предисловие и объяснительные статьи С. Бонди.

* * * *